

Шерлок Холмс и запертая комната

Трогательная история любви молодого Джона Ватсона

12+

Сергей Афанасьев

Сергей Афанасьев Шерлок Холмс и запертая комната

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68254372

SelfPub; 2022

Аннотация

Шерлок Холмс и доктор Ватсон еще молоды и знакомы всего пару месяцев. Они оба испытывают денежные затруднения, строят совместные планы, как им выкрутиться. И в этот момент на пороге гостиной появляется прекрасная незнакомка.

Данное произведение – собственное прочтение рассказа Джона Диксона Карра 'Тайна запертой комнаты'.

Содержание

От автора	4
1	5
2	9
3	18
4	24
5	34
6	43
7	45
8	55
9	57
10	68
11	72
12	73
13	79
14	84
Эпилог	85

Сергей Афанасьев

Шерлок Холмс и запертая комната

От автора

Это римейк повести 'Тайна запертой комнаты' Джона Диксона Карра.

Почему было написано это произведение?

Холмс и Ватсон встретились относительно молодыми. Но по какой-то причине автор игнорировал все то, что свойственно молодым. Например – увлеченность, влюбленность, прочее...

И мне вдруг захотелось описать молодого Ватсона, с его мечтами, желаниями, ошибками и разочарованием. Захотелось вдохнуть больше жизни в этот персонаж. Ведь не мог он жить такой скучной жизнью! Наверняка ведь были у него какие-то сильные увлечения, ошибки, тайные мечты, страстные, безумные порывы! Он ведь – живой человек! И ни что ему не должно быть чуждо!

Вот обо всем этом, взяв за основу произведение Джона Диксона Карра, я и хотел поведать читателю.

1

В те времена, к которым относится данный рассказ, мы с Шерлоком Холмсом жили на Бейкер-стрит 221Б. Нас никто не знал и денег у нас тогда было еще мало. Изредка ко мне приходили посетители. Еще более изредка – к моему другу. Но тем не менее на жизнь мы не жаловались, мы были молоды, энергичны, решительны, подвижны и точно знали, что все у нас будет еще впереди.

Вот и это утро ничем вроде бы не отличалось от многих других. Мы сидели в гостиной в ожидании завтрака и впереди у нас не было никаких дел.

– Ватсон, ну и что вы думаете по поводу нашей проблемы? – поинтересовался Холмс, сидя в своем излюбленном кресле и внимательно глядя на меня. На нем, как обычно в последние дни, был старый халат мышинного цвета.

Утреннее солнце с трудом пробивалось сквозь густой туман, скудно освещая нашу уютную гостиную, и мы сидели в полумраке, глядя на разгорающиеся в камине поленья, невольно ежась от утренней прохлады.

Кисловато пахло табаком.

Я, в отличие от Холмса, как всегда к завтраку вышел в костюме и при галстукe. Неторопливо раскурив трубку, пару раз затянулся, наслаждаясь, и только потом повернулся к своему другу.

– Мне кажется – это просто ужасно, – честно признался я. – Бедная миссис Хадсон...

Холмс только недовольно поморщился.

– Ватсон, я это знаю и без вас, – скривился он. – Меня интересует, что вы можете предложить в данном конкретном случае.

Я снова затанулся и снова посмотрел на Холмса. На этот раз – виновато. На Бейкер-стрит я жил всего лишь второй месяц. С Холмсом мы еще плохо знали друг друга, но он был честен и бескорыстен, и мне нравились эти его черты. И вот вдруг оказалось, что ни он, ни я не в состоянии заплатить за квартиру за текущий месяц. У меня были проблемы с врачебной практикой и все деньги ушли на аренду кабинета и на его ремонт. А у Холмса последнее время не было клиентов и в то же время возникли какие-то свои семейные денежные проблемы, о которых он мне не говорил. И мы все оттягивали тот момент, когда нам придется сообщить добрейшей миссис Хадсон, что заплатить, к нашему глубокому сожалению, мы ей не сможем!

Холмс продолжал пристально смотреть на меня и я окончательно смутился.

– Ну-у, – замялся я. – Думаю, не смотря на то, что ремонт еще не закончен, подать сегодня объявление и принимать своих пациентов, как и раньше, здесь, на Бейкер-стрит. И если мне удастся немного заработать, я заплачу за нас обоих, – добавил я, невольно краснея.

– Ватсон, вы очень благородны, – мягко улыбнулся Холмс. – И, признаюсь, я думал точно также, но уже со своей стороны.

Теперь уже я несколько удивленно посмотрел на Холмса. На сколько я знал – он сам предпочитал выискивать для себя дела – те, которые привлекли его интерес, зачастую ничего за это не получая. А теперь, выходит, что он согласен и на любые.

Мой сосед по квартире добродушно мне улыбался.

– Вам же придется заняться всякой ерундой, – заметил я. Холмс только пожал плечами.

– Я надеюсь – это будет ненадолго, – ответил он, размеренно попыхивая трубкой.

Я кивнул, принимая это к сведению.

– Давайте сделаем так, – предложил Холмс. – Оба подадим объявления в газеты. Кому подфартит, тот и будет счастливым спасителем квартирных утопающих. Договорились?

И он, хитро прищурившись, посмотрел на меня.

И к своей глубокой радости, причем совершенно неожиданной, я не прочел в его глазах ни тени сомнений во мне. И я невольно приосанился. По примеру Холмса я сначала глубокомысленно затянулся трубкой, внимательно посмотрел на витиеватые клубы дыма, уходящие в потолок, а потом степенно кивнул.

– Договорились, – размеренно произнес я. – Сейчас и напишем. К кому первому придет клиент, тот и хозяин гости-

ной.

И я уверенно посмотрел на Холмса.

И он довольно кивнул мне одними ресницами, расслабленно откидываясь в кресле.

И в этот момент раздался резкий и почему-то неприятный звук колокольчика от входной двери.

2

Я насторожился и озадачился, тем не менее стараясь не подать виду и равнодушно глядя на разгорающиеся языки пламени, жадно облизывающие сухие поленья. Так рано ни ко мне, ни к Холмсу еще никто не приходил. Скорее всего, это молочник. Но в душе я надеялся – а вдруг клиент? Например, ко мне с чем-то срочным? Или к Холмсу. Вот было бы здорово!

Я украдкой посмотрел на своего товарища, но его равнодушно-невозмутимый вид ни о чем не говорил. И даже содалось такое впечатление, что он совсем не слышал звонка.

Но вот мы услышали скрип ступенек на лестнице.

– К вам посетитель, – степенно произнесла миссис Хадсон – худенькая миловидная женщина средних лет, заглядывая в приоткрытую дверь.

Она отступила в сторону и на пороге нашей гостиной в полутьме слабого освещения вдруг возник девичий силуэт, всем своим обликом навеявая тревогу. Мы оба поспешно встали.

Девушка переступила порог и я невольно замер и сердце мое екнуло в нехорошем предчувствии.

– Мистер Холмс? – в необычайном волнении спросила она, приподнимая вуаль и буквально с мольбой глядя на меня (я был ближе всего к ней), тут же околдовав своей моло-

достью и красотой. И необычайной бледностью, отчего сразу же захотелось броситься ее защищать и спасать – не важно, от кого или от чего.

– К вашим услугам, мадам, – ответил мой друг, слегка наклонив голову и девушка тут же перевела взгляд, пристально разглядывая Холмса, словно решая – сможет ли он справиться с ее проблемой или нет.

Я с надеждой повернулся к своему другу – все какие-то деньги! Да и, честно говоря, мне бы очень хотелось, чтобы эта девушка заходила к нам снова и снова – чтобы узнать, например, как продвигается расследование по ее делу. Мы бы неторопливо пили бы чай, совместно обсуждая всяческие нюансы... И от этой картины у меня заныло на душе, и я искренне встревожился – что это вдруг такое случилось со мной? Никогда такого ведь не было!

– Пожалуйста, простите за столь раннее вторжение, – устало опустив плечи, еле слышно прошептала она. – Я пришла... пришла...

Девушка вдруг замолчала. Молчал и Холмс, ожидая продолжения. Я же, совершенно не понимая, что происходит, просто смотрел на нее, и сердце мое почему-то бешено стучало. И я все смотрел и смотрел, не в силах оторвать взгляд, и понимал, что веду себя бестактно, да и пауза затянулась и необходимо что-то сказать.

– Довольно теплая погода для этого времени года, – наконец выдавил я через силу ледяным безразличным голосом,

покрывшись при этом мелким потом. – Однако всегда есть шанс подхватить простуду, особенно если комната не защищена от сквозняков и недостаточно заперта.

Это безобидное замечание, которое, впрочем, стоило мне огромных трудов, произвело самое неожиданное впечатление. Секунду-другую посетительница смотрела на меня широко раскрытыми серыми глазами – и сердце мое забилося еще сильнее, – а затем сдавленно воскликнула:

– Запертая комната! Боже мой – запертая комната! – в ужасе закрыла она свое лицо обеими ладошками.

Девушка вдруг пошатнулась, падая на коврик перед камином – явно в глубоком обмороке. К счастью я мгновенно среагировал на это и успел подхватить ее сзади за подмышки, невольно коснувшись ее тела, затянутого в корсет. Естественно, я покраснел, волнуясь еще сильнее, но рук не одернул, иначе бы она стукнулась затылком об пол. Напрягшись, я аккуратно опустил ее на коврик.

Не на шутку перепугавшись, Холмс быстро налил из графина в рюмку воды, и поспешно добавил немного бренди (по счастью бутылка стояла рядом с графином).

– Как ее состояние, Ватсон? – в сильнейшем волнении пробормотал Холмс, держа рюмку в руках и глядя на нас сверху вниз. – Что с ней?

– Обычный обморок, – ответил я, по профессиональной привычке успев быстренько взглянуть на ее зрачки и замерить пульс, причем, почему-то оба этих простых действия

необычайно взволновали меня. – Надо бы ее пересадить в кресло.

Стоя на коленях возле нашей посетительницы я поднял голову и посмотрел на Холмса, но тот только растерянно показал на рюмку с бренди в своей руке. Я вздохнул и снова повернулся к нашей таинственной посетительнице. И в бессознательном состоянии она была ужасно красива! Почему-то изрядно волнуясь, я просунул руку под эту очаровательную головку и мягко придержал ее затылок. И заволновался еще больше. Предварительно напрягшись, слегка приподнял ее за плечи, придерживая под тонкой нежной шейкой, после чего вторую руку просунул ей под талию и попытался оторвать девушку от пола. На удивление она оказалась очень легкой! Но поза у меня была не очень удобной и поэтому я недовольно взглянул на Холмса, который так и стоял с рюмкой бренди. Но, видя, что помощи от него не дожидаться, я, кряхтя, выпрямился, предварительно встав на колени. Покачнулся.

– Холмс, черт возьми! Да помогите же! – невольно вырвалось у меня.

Холмс, по непонятной мне причине по-прежнему не выпуская рюмку с алкоголем, тем не менее подскочил ко мне довольно быстро и, суетясь, помог переложить нашу посетительницу в любимое кресло Холмса – так как оно располагалось ближе всего к камину.

Какое-то время мы – двое довольно молодых людей – глупо смотрели на беспомощное тело худенькой стройной де-

вушки, на ее невольно приоткрытое платье.

– Джон, дружище, – наконец нарушив молчание, в сомнении произнес Холмс, с каким-то детским испугом глядя на неподвижную девушку. – Может, ты что-нибудь сделаешь с ней? Жалко будет, если она умрет. Да и с деньгами у нас туго.

Я только усмехнулся практичности своего друга, впрочем, искренне переживая за нашу посетительницу – ведь такие красавицы в Лондоне попадаются довольно редко, а я ведь холост! И я невольно поймал себя на мысли, что очень сильно хотел бы, чтобы меня по жизни сопровождала женщина, очень похожая на эту! Ну или я бы ее сопровождал... Но главное – чтобы мы были всегда вместе.

Я быстренько сбегал к себе за медицинским саквояжем, вернулся еще быстрее, и т

олько раскрыл его, как услышал за спиной тихий голос Холмса.

– Не надо.

Я обернулся.

Холмс склонился над нашей посетительницей, которая пока что еще смотрела на него и на весь мир ватными глазами.

– Мисс Кора Миррей? – вдруг произнес мой друг.

И девушка невольно сосредоточила на нем свой затуманенный взгляд.

– Вас ведь так зовут? – настойчиво продолжал он, поднеся к ее губам рюмку и заставив сделать несколько глотков.

Девушка по-прежнему молчала, но по-крайней мере, после бренди уже более осмысленно хлопала своими волнующе-длинными бархатными ресницами. Я нерешительно тербил пузырек с нюхательной солью, видя, что скорее всего он не понадобится, и от волнения сам нюхнул пару раз, стараясь этим привести себя в чувство и взять в руки.

– Вы ведь близкая подруга Элеоноры Гранд, которая вышла замуж за полковника Уорбертона, и вы живете на Кембридж-террас с полковником и мисс Уорбертон? – снова спросил Холмс.

Девушка непонимающе посмотрела на моего друга.

– Элеонора! – вдруг воскликнула мисс Мюррей, стремительно порываясь встать. – Она уже мертва! А ведь я какие то часы назад еще разговаривала с ней, и мы при этом смеялись!

Холмс, быстро положив ладонь на ее худенькие плечи, прижал ее в кресле, не давая подняться.

– Они оба мертвы – горячо добавила она, снова попытавшись встать и снова – безуспешно. И в этот миг я невольно позавидовал моему другу – ну почему же мне не пришла в голову такая простая мысль, и сейчас бы я уверенно держал свою руку на ее плече!

И когда она снова попыталась встать, я тут же положил руку на другое ее плечо, невольно задержав при этом дыхание и покраснев.

– Успокойтесь, – тихо промолвил Холмс. – И объясните

свои слова.

Я в это время неотрывно смотрел на мисс Мюррей. Почему-то – непонятно почему – не мог оторваться от ее лица.

И прекрасно видел, как дрожали ее веки, ресницы, губы. И на все это мое сердце отвечало своими искренне сочувствующими толчками. И я понял, что я просто схожу с ума.

Но и это понятие тем не менее не смогло меня заставить отвести взгляд от мисс Мюррей. Я был просто не в силах совладать с собой.

– Они лежали там, в запертой комнате! – сдавленно выдохнула Кора, попеременно глядя на нас распахнутыми глазами затравленной лани.

Вдруг она схватила мою руку, впилась в нее обеими руками и умоляюще подняла на меня глаза:

– О, мистер Холмс, я так на вас надеюсь! Только вы можете мне помочь. Вы и ваш друг, мистер доктор Ватсон!

Сердце мое забилося еще сильнее. Вот оно, оказывается, как выглядит счастье! Я заволновался, словно школьник, забыв про трагичность ситуации.

При этом невольно покосился на Холмса и с удивлением заметил, что тот недовольно поморщился от ее слов. Я же, как доктор, прекрасно понимал, что мой пациент просто пока что плохо соображал и ориентировался в пространстве.

– Но ведь вы сами только что сказали, что полковник Уорбертон мертв, – слегка сжимая ее руку, пробормотал я, видя, что мой друг молчит, а сказать что-то все-таки необхо-

димом. – Чем мы сможем вам помочь?

Она побледнела еще сильнее.

– Как вы не понимаете! – взволнованно воскликнула она, ее грудь стала при этом слишком уж учащенно вздыматься, невольно приковав к себе мое внимание. – Ведь тень падет на ее доброе имя! – еле слышно добавила Кора сквозь бледные сжатые губы, глядя куда-то в пол. – И на доброе имя ее мужа. Боюсь только – затея эта безнадежна!

– Безнадежных ситуаций не бывает, мисс Мюррей, – утешил ее я и решительно повернулся к своему другу. – Что ты собираешься предпринять, Шерлок? – требовательно и даже как-то чересчур жестко произнес я.

– Мой гонорар вам известен? – осторожно, словно боясь испугнуть удачу, поинтересовался Холмс, и я в легком недоумении посмотрел на него, так как и сам не знал его гонорар.

Но мой друг оставался невозмутим.

Девушка отрицательно покачала головой.

– Сто фунтов, – еще тише произнес Холмс, невольно побледнев.

Я было вскинулся глазами, пристально глядя на Холмса. Но он спокойно кивнул мне ресницами – мол, все будет хорошо, и это дело он не выпустит из своих рук.

А я вдруг расстроился, но и обнадежился одновременно. С одной стороны – тут же разрешится наш квартирный вопрос и не надо будет больше переживать по этому поводу, а с другой стороны – такой красавице хочется помогать беско-

рыстно, и даже наоборот – отдать все, что у тебя есть, лишь бы ей помочь и заслужить ее один быстрый мимолетный благодарный взгляд. И я, не зная, как правильно поступить, покраснел от мелкой мыслишки, что я в этой ситуации – за деньги.

– Каждая работа должна оплачиваться, – снова тихо произнес мой друг. – Вы согласны со мной?

И девушка обессиленно кивнула.

3

– Ну а в настоящее время мы предпримем следующее. – Он пристально посмотрел на Кору Мюррей. – Во-первых, вам, мисс, необходимо успокоиться, чтобы вы могли уже более вразумительно рассказать все, что случилось. И поэтому мы первым делом обстоятельно позавтракаем. Чтобы взять себя в руки и влить в себя дополнительные силы.

Я в удивлении приподнял брови, но Холмс сделал вид, что этого не заметил и внимательно посмотрел на свои карманные часы.

– Осталось еще пол-минуты. – ни к кому не обращаясь, задумчиво пробормотал он.

И только Холмс хлопнул крышкой, как в гостиной появилась миссис Хадсон с подносом в руках.

– Завтрак, джентльмены, – степенно произнесла она, уверенно направляясь к обеденному столу.

– Приношу за нас с Ватсоном глубочайшее извинение, но нам требуется еще один прибор, – немного смущаясь, но тем не менее стараясь говорить уверенно, произнес Холмс.

– Я это уже учла, – спокойно ответила наша хозяйка. – Я принесла три прибора. Потом принесу третий стул.

Она неторопливо поставила поднос на край стола и, аккуратно расстелив белоснежные салфетки, принялась неспешно расставлять приборы. Мы с Холмсом какое-то время рас-

терянно смотрели на нашу хозяйку. При этом я все еще держал нашу посетительницу за руку и, честно говоря, это доставляло мне почему-то огромное удовольствие. Я был согласен вообще не выпускать ее руки из своей – так мне было хорошо! Но и одновременно стыдно – ведь она-то была в шоке, она потеряла близких людей, и я, получается, просто пользуюсь моментом! А это – низко и подло! Но держать ее за руку было так приятно! И я разрывался на части.

– Миссис Хадсон, – наконец выдавил из себя мой друг, – вы – чудо! Вам бы работать в министерстве!

Она только равнодушно кивнула. Закончив расставлять приборы, миссис Хадсон повернулась к нам.

– Прошу к столу, – степенно произнесла наша хозяйка, пряча поднос себе подмышку. – Я сейчас принесу стул.

И, не глядя ни на кого из нас, она также степенно удалилась.

Холмс тут же пристально посмотрел на мисс Мюррей.

– Ну что ж, приступим, – решительно предложил он, подходя к столу и останавливаясь у своего стула (естественно, у каждого из нас был свой любимый стул). – Вам это необходимо. – Он снова поглядел на мисс Мюррей, как бы приглашая ее к стулу, на спинку которого он положил руку, и сердце мое недовольно сжалось, коря себя за глупость – мне первому надо было проявить подобную инициативу!

Я замер, стараясь унять свои эмоции. Что за глупости, в конце концов?! Каждый может предложить мисс Мюррей

стул, в этом нет ничего зазорного! Отчего тогда я вдруг так расстроился?

И я не находил ответа.

Девушка, сжавшись в кресле, замерла в растерянности. Такое впечатление, что она даже не слышала Холмса.

И, даже не поняв, что произошло, я, вопреки этикету, как-то странно, по-гусарски, решительно подхватил ее под локоток (и от этого прикосновения все мое тело покрылось приятным ознобом). Потянул ее руку, тем самым принудив ее встать, тут же, опять почему-то – по-гусарски – решительно помог ей приподняться. и еще более решительно подвел к столу.

– Присаживайтесь, – тихо, но настойчиво произнес я, предлагая «свой» стул, и эта прекрасная леди, с внешностью и повадками принцессы, покорно приблизилась к нему. Согласно этикету она слегка зависла над ним, изогнувшись и придерживая юбки, и я, вдруг сильно вспотев, аккуратно придвинул этот чертов седалищный предмет, словно только что совершил с ней интимный контакт.

И от этой мысли, и глядя как ее бедра опускаются на стул, на котором недавно сидел я, я вспотел еще больше, почему-то представив, да и, что говоря, невольно почувствовав, как она на самом деле садится мне на колени!

А тут и миссис Хадсон со своей половины принесла третий стул.

Мы сели. Холмс – на свое излюбленное место, а я – на

НОВЫЙ стул.

Шерлок первым взял нож и вилку и решительно разрезал яичницу с беконом на три части. Потом он завладел деревянной лопаточкой и также решительно, даже не спрашивая нас с Корой, разложил в наши тарелки.

Потом Холмс все-также решительно снова взял вилку и нож и уверенно принялся за свой бекон с яичницей. Я тоже взялся за нож, но почему-то неуверенно – я неотрывно, украдкой смотрел на нашу посетительницу и никак не мог от нее оторваться – наша очаровательная посетительница какое-то время бессмысленно разглядывала содержимое своей тарелки, а потом вдруг отодвинула ее от себя и потянулась за кексом. И этот ее жест, такой казался бы простой, тем не менее снова заставил забиться мое поглупевшее сердце.

Завтрак протекал в полной тишине. Мы с Холмсом неторопливо поглощали бекон с яичницей, еще более неторопливо орудуя ножом и вилкой, а мисс Мюррей расстроено грызла свежую, еще горячую булочку, забыв намазать ее маслом.

И я смотрел, как приоткрываются ее вишневые губы, как белые ровные зубки осторожно откусывают маленький кусочек ароматной сдобы, как эти губы смыкаются, и девушка начинает медленно пережевывать пищу, соблазнительно двигая при этом своими очаровательными скулками, что руки мои дрожали в буквальном смысле, и я млел, как гимназист, начитавшись перед сном книжек про любовь.

Впрочем, во время всей этой процедуры мы с Холмсом то и дело многозначительно переглядывались. Наверное, она нам заплатит приличную сумму, – говорил мой взгляд. Смотри, как она одета! – повел я в сторону девушки глазами. Холмс только покачал головой. Оплата ведь не зависит от стоимости одежды, – мысленно отвечал он мне. – И если дело пустяковое, то он и возьмёт сущие пустяки – все должно быть по-честному.

В это время она, наконец-то, несмело взяла маленький кекс. Причём ее пушистые длинные ресницы странно затрепетали, вдруг заставив меня забыть про завтрак.

Я почему-то уже совсем по-другому стал смотреть на нашу посетительницу. А почему – я никак не мог понять. Но ее лицо, ее глаза вдруг снова намертво приковали мое внимание. Я снова, не отрываясь, смотрел, как она медленно подносит кекс ко рту, как медленно раскрывает свои пухлые вишневые губы, открывая ровный ряд бело-жемчужных зубов. И то, как эти зубки мягко вошли в кекс, вдруг привело меня в сильнейший трепет!

Что-то внутри меня вдруг сильно задрожал, я неожиданно заволновался, сначала взмок, вспотел, потом вдруг мне стало холодно. И при всем этом я почему-то никак не мог оторвать взгляд от ее лица. От ее мягких пухлых губ. От ее ресниц. Ямочек на щеках...

Наконец меня в очередной раз бросило в жар, я опять вспотел, и мой друг громко кашлянул, причем – несколько

раз.

Я, конечно, сразу же понял, что Шерлок заметил глупость моего поведения и дал мне об этом знать, чтобы я не зашел слишком далеко. Оторвавшись от наваждения, я невольно покраснел, быстро кинув виновато-благодарственный взгляд Холмсу, и очень надеясь, что мисс Мюррей не видела моего поведения.

И я поспешно припал к чашке с чаем и выпил его весь в два глотка.

– Ну что ж, – услышал я как бы издалека голос Холмса – кровь в моей голове учащенно билась и кроме ресниц и губ мисс Мюррей я больше не мог воспринимать ничего другого. – С завтраком покончено. Все успокоились и взяли себя в руки, – добавил он, многозначительно глядя на меня и слегка повышая голос. – И теперь можно приступить к делу.

4

Мы перешли к камину. Причем я постарался усадить мисс Мюррей в свое кресло, а для себя пододвинул стул от обеденного стола. К своему стыду – мне почему-то очень сильно захотелось сесть именно на стул, на котором она только что сидела.

– Ну а теперь, мисс Мюррей, расскажите все по порядку, – предложил Холмс. – И как можно обстоятельнее. И, пожалуйста, не торопитесь.

Девушка побледнела, явно снова начиная возвращаться мыслями к кровавым событиям и снова увидела перед собой всю эту ужасную сцену.

Она молчала, явно собираясь с мыслями и с силами.

– Расскажите, что все-таки случилось, – мягко подтолкнув, проговорил Холмс, заметив ее состояние. – И начните, пожалуйста, с самого начала.

Мисс Мюррей кивнула, почему-то расстроено посмотрев на Холмса, а потом – на меня. И тут же моя спина сама собой выпрямилась, и я ей ободряюще кивнул.

– Полковник Уорбертон и Элеонора находились в комнате слева от входной двери, – решительно начала она, крепче сжав подлокотники кресла. – Они называли ее антикварной комнатой. Вдруг я услышала два выстрела, – продолжила она после паузы, невольно дернувшись от неприятных воспоминаний.

наний. – Все забегали. Дверь к ним оказалась запертой изнутри. Капитан Лейшер и майор Эрншо попытались ее выломать, но не смогли. Тогда мы все выскочили наружу. Джек заглянул в комнату сквозь закрытое окно и вскрикнул. Я тут же подбежала к нему. И увидела, как на полу, страшно скорчившись, лежали они...

Мисс Мюррей снова замерла, закрыв глаза, заново все переживая.

– И что меня больше всего испугало – над ними, в свете настольных ламп под абажурами, ухмылялась ужасная маска смерти из ляпис-лазури глаза которой смотрели прямо на меня и отсвечивали жутким голубоватым сиянием. Честно говоря, я испытала невыносимый ужас! И тут же поверила в то, что именно эта маска их и убила!

Холмс откинулся на спинку кресла, старый халат мышинного цвета спал с плеч небрежными складками.

– Дорогой Ватсон, – сказал он, – сигары вы найдете в ведерке для угля. Будьте столь добры, передайте мне коробку, если, конечно, мисс Мюррей не возражает против того, чтобы я выкурил сигару.

– Я – дочь капитана королевской армии! – решительно заявила наша прелестная гостья, гордо выпрямившись и остро сверкнув темными глазами. – Тем более, полжизни провела в Индии. Так что вряд ли буду возражать, мистер Холмс.

Она пронзительно смотрела на моего друга и в этот миг была ужасно красива! Боже, как бы я хотел иметь такую же-

ну! – вдруг остро поразило меня, заставив смутиться, покраснеть и совсем иначе взглянуть на нашу посетительницу.

Она прикусила нижнюю губку и несколько нерешительно добавила после паузы:

– Вообще-то когда мы с майором Эрншо и капитаном Лейшером ворвались в запертую комнату, там пахло сигарями полковника Уорбертона, это я точно помню.

Холмс вдруг неестественно замер и в комнате повисла напряженная тишина. Внезапно он вскочил и, не выпуская из рук сигарную коробку, уставился на мисс Мюррей.

– Не имею ни малейшего намерения обидеть вас, мадам, но вы вполне уверены в том, что говорите? – четко выговаривая каждое слово произнес мой друг, словно боясь, что она может неправильно понять его вопрос.

– Мистер Шерлок Холмс, – с достоинством ответила юная леди, гордо выпрямив спинку и твердо посмотрев на моего друга (ее глаза снова пронзительно сверкнули, а у меня в который раз екнуло сердце и мне почему-то захотелось придушить Холмса). – Я не из тех, кто привык бросать слова на ветер. Я очень хорошо помню, какая мысль посетила меня в тот миг. Я почему-то подумала, что в комнате, уставленной всеми этими медными безделушками, деревянными идолами и лампами с шелковыми абажурами, куда больше подошел бы запах фимиама, а не сигарного табака. Может, это от шока? – и она с вопросительной надеждой посмотрела на Холмса.

Секунду-другую Холмс молча и неподвижно стоял перед камином, о чем-то мучительно соображая.

– Возможно, вы и правы, мисс Мюррей, – наконец задумчиво пробормотал он. – Однако хотелось бы, чтобы вы подробнее рассказали о том, что произошло. – Холмс внимательно посмотрел на Кору Мюррей. – К примеру, вы упомянули майора Эрншо и капитана Лейшера. Эти джентльмены тоже гостили в доме?

– Да, майор Эрншо какое-то время гостил. А вот капитан Лейшер... – бледное личико мисс Мюррей слегка порозовело при упоминании последнего имени. – Капитан Лейшер зашел ненадолго. Он, знаете ли, племянник полковника Уорбертона, единственный его родственник, если быть точнее, и еще он... он гораздо моложе майора Эрншо.

Мисс Мюррей вдруг смутилась, а меня что-то неприятно кольнуло – в самое сердце, в самую середину. С огромным удивлением я понял – это ревность. И я снова украдкой посмотрел на мисс Мюррей и мое сердце забилося еще сильнее.

– Леди, не могли бы вы более подробно описать дальнейшие события? – мягко, но настойчиво произнес Холмс. – Начиная с того, что вы увидели через окно.

Мисс Мюррей, побледнев, собралась с мыслями.

– Оба французских окна были явно закрыты изнутри, но шторы опущены не были, поэтому мы все и видели, – начала она дрогнувшим голосом, стараясь изо всех сил взять себя в руки. – Джек схватил камень из сада и разбил им ок-

но. Просунул в отверстие руку, открыл защелку и распахнул створку. Мы все быстро вошли внутрь – окна французские, почти до самой земли. Так что вы сами понимаете – никто не мог войти в эту комнату или спрятаться там – никакого доступа в нее не было. У правой руки полковника лежал на полу пистолет. Следов взлома на дверях и окнах мы не нашли, комната была заперта надежно, как крепость. Все это, мистер Холмс, непреложные факты.

Она замолчала и с надеждой посмотрела на Холмса. Также с надеждой посмотрел на него и я, почему-то именно в эту минуту ожидая от него ответа, что же там на самом деле случилось.

– Ну что ж, совсем другое дело, вы все очень точно описали. – Холмс довольно потер свои длинные тонкие пальцы. – А теперь, пожалуйста, если в ам не трудно, скажите, давно ли водилась за полковником Уорбертоном привычка запирааться вместе с женой в этой, как вы изволили выразиться, антикварной комнате каждый вечер после обеда?

И он внимательно посмотрел на девушку, на лице которой отразилась полная растерянность.

– Господи, нет, конечно! – в отчаянии воскликнула она, невольно заламывая руки. – Я как-то об этом не подумала!

– Впрочем, боюсь, на сути дела это не отразится, – спокойно заметил Холмс. – Скорее, напротив, это лишь подтверждает внезапный приступ умопомешательства.

И я с удивлением посмотрел на Холмса. Хотя я его знал

еще очень мало, но такие поспешные выводы были точно не в его стиле.

Серые глаза Кора Мюррей твердо посмотрели на моего друга.

– Я, как никто, убеждена в этом, мистер Холмс, – решительно произнесла она. – Что если полковник действительно вознамерился расправиться с женой, а затем убить и себя... он бы точно заперся изнутри!

– Заметьте, вы сами сказали «если», мадемуазель, – кивнул Шерлок Холмс. – Не могу не отметить, вы на удивление здравомыслящая юная леди. Ну а помимо коллекционирования индийских безделушек, замечали ли вы за полковником еще какие-либо... э-э... скажем, необычные пристрастия? – поинтересовался Холмс, откинувшись в кресле и многозначительно посмотрев на девушку.

Кора задумалась, уставившись в пол.

– Никаких, сэр, – наконец ответила она, покачав головой. – Хотя...

Мы замерли в ожидании, почему-то внутренне предчувствуя, что вот сейчас появится ключ ко всему этому происшествию.

– Мне почему-то все время казалось... – смутилась она, в замешательстве покусывая губы, – что все дело именно в этой жуткой маске. Что-то в ней не то. Какой-то магнетизм, сводящий с ума. То ли в дереве, то ли во всем ее облике, так сделанном искусным мастером, что стоит лишь раз посмот-

реть на нее, как твои мысли закручиваются во что-то невообразимое и непредсказуемое. Мне кажется, когда я смотрю на нее, в какой-то момент вдруг понимаю, что невольно хочу сделать что-то из ряда вон выходящее, вплоть до убийства! словно какая-то злая сила начинает подталкивать меня! словно какой-то гипноз!

И она с вызовом посмотрела на Холмса.

Но Холмс промолчал. И ее почему-то это сильно обидело.

– Ну вот, сейчас начнутся разговоры о пресловутом женском уме! – недовольно поморщилась мисс Мюррей, хмуро поглядев на нас с Холмсом.

– С чего это вы так решили? – вежливо поинтересовался Холмс.

– Но, сэр, что такое ваши суждения, как не проявления мужской интуиции? – вздернула она брови. – Сами подумайте!

И я поразился ее смелости. По поводу умозаключений с Холмсом, как правило, не спорили не только женщины, но и мужчины, и даже полицейские.

– Ничего подобного, мадемуазель, это чистой воды логика! – почему-то радостно воскликнул Холмс. – Впрочем, прошу прощения, что-то я сегодня разворчался с утра, – добавил он, поймав мой суровый взгляд и поняв, что так мы можем потерять клиента.

Мисс Мюррей грациозно склонила свою красивую голову в знак того, что прощает. И этот ее жест очень уж остро

отозвался где-то в глубине моей души. Пора мне все-таки жениться, грустно подумалось мне и сердце уже в который раз за это утро тревожно забилося.

В гостиной снова повисла гнетущая тишина. Разгоревшийся в камине огонь приятными волнами распространял тепло, все больше захватывая собой гостиную. Туман за эркером все еще имел молочно-сметанную субстанцию, скрывая от нас строения напротив. Мисс Мюррей молчала от того, что она сказала все, что знала и теперь, поникнув в печали, ждала от нас ответных действий. Я же молчал от того, что очень уж сильно хотел ободрить нашу посетительницу, но я не знал – как.

– Гм, – наконец разочарованно буркнул Холмс. – Да, при-
скорбное событие, можно даже сказать, настоящая трагедия, мисс. Вот только не вижу, чем могу вам здесь помочь, – честно признался он – незаслуженных денег мы с ним категорически отвергали. – Полковник Уорбертон определенно потерял рассудок: сначала стреляет в жену, потом – в себя. Полагаю, эти факты не подлежат сомнению?

Мисс Мюррей тихо застонала. И меня тут же кольнуло где-то под сердцем. Боже, как я хотел сидеть рядом с этим неземным созданием и, утешая, держать ее за руку!

– К сожалению, нет, – прошептала она, потупив глаза. – Хотя сначала мы надеялись, что это дело рук грабителя.

– Вы надеялись, что это было делом рук грабителя? – как-то странно переспросил Холмс.

И меня задел его язвительный тон. Я укоризненно посмотрел на своего друга. К тому же мне было ужасно стыдно перед нашей посетительницей.

– Послушайте, Холмс, – довольно резко возразил я. – Мисс Мюррей лишь хочет сказать, что только вторжение грабителя и убийцы могло бы объяснить случившееся и спасти доброе имя полковника, снять с него обвинения в таких тяжких грехах, как убийство и самоубийство. Полагаю, вы не должны упрекать ее в небрежном подборе слов? – вопросительно посмотрел я на своего друга.

– От этого небрежного подбора слов, Ватсон, зависит жизнь или смерть самого грабителя, если таковой существовал, – сухо заметил Холмс, тем не менее моргнув мне ресницами, показывая, что он прекрасно понимает – нам нужны деньги – и он сделает все возможное. Тем более, что весь предыдущий месяц мы жили исключительно за мой счет.

– Ладно, не будем огорчать нашу юную леди, – примирительно пробормотал он. – Пожалуйста, расскажите, как вы познакомились с мисс Элеонорой?

К моему удивлению, личико мисс Мюррей немного порозовело, а на губах ее заиграло подобие улыбки.

Девушка несколько раз вздохнула, собираясь с мыслями, и ее остро очерченная грудь пару раз приятно колыхнулась вверх-вниз, что к моему стыду невольно привлекло мое самое пристальное внимание, что, впрочем было простительно – так как в данное время, повторяю, я находился в поиске

своей спутницы жизни.

– Ну да, конечно.

Она кашлянула. Помолчала, словно собираясь с мыслями, затем заговорила тихо, но отчетливо.

– Я познакомилась с Элеонорой в Индии. Я жила там у тетки. А мир колонистов довольно тесен. Этаким клуб, где все друг друга знают, – добавила она. – Вскоре Элеонора стала моей лучшей подругой. Исключительно красивая девушка. И, признаться, всех нас удивило, когда она согласилась стать женой полковника Уорбертона. – Она почему-то вопросительно посмотрела на Холмса в ожидании вопросов, но он молчал, а я ей снова ободряюще кивнул и она продолжила. – Нет, то был человек сильного характера, с безупречной воинской репутацией. Но, насколько я могла судить, не из тех, с кем легко ужиться под одной крышей. Он бывал грубоват и очень вспыльчив, особенно когда дело касалось его коллекции индийских раритетов. – Она снова посмотрела на Холмса. – Нет, поймите меня правильно, мне нравился Джордж, иначе я не пришла бы к вам сейчас. И хотя супруги частенько ссорились, – кстати, последняя ссора произошла как раз вчера вечером, – готова поклясться, я не знаю, что могло спровоцировать вчерашнее происшествие! Мы уехали из Индии вместе; миссис и мистер Уорбертон поселились на Кембридж-террас, девять. И продолжали вести там привычную жизнь, такую же, как в гарнизоне в Индии, со служгой в белых одеяниях по имени Чандра Лал, в доме, полном странных божков и в немного странной, на мой взгляд, атмо-

сфере. – Мисс Мюррей прервалась, собираясь с мыслями и снова посмотрев на нас, но Холмс пока не собирался мучить ее вопросами, а я – тем более. – Вчера вечером, сразу после обеда, Элеонора вдруг заявила, что должна поговорить с мужем. И они удалились в антикварную комнату, а мы с майором Эрншо остались в небольшом кабинете...

– Одну минутку, – наконец-то перебил ее Шерлок Холмс, быстро записав что-то на манжете. – Чуть раньше вы говорили, что в доме есть две комнаты, выходящие в сад. Одна из них так называемая антикварная комната полковника Уорбертона. А во второй, по-видимому, и находится этот кабинет?

– О нет, во второй комнате – столовая, – возразила она. – А кабинет находится сзади, и эти две комнаты между собой не сообщаются.

Холмс молча кивнул, принимая это к сведению, и мисс Мюррей, помедлив – не будут ли еще вопросы – неуверенно продолжила:

– Майор Эрншо все это время о чем-то разглагольствовал, довольно нудно. Но вдруг к нам вошел Джек. Джек...

– Очевидно, Джек появился как нельзя более кстати, – заметил Холмс. – И полагаю, Джек – это и есть капитан Лейшер?

Мисс Мюррей подняла на него честные и ясные глаза.

– Да, и я очень обрадовалась. – На ее лице заиграла улыбка, но тут же увяла. А я невольно нахмурился, уже испыты-

вая к этому Джеку неприязнь. – Он сказал, что, проходя через холл, слышал, как дядя ссорится с Элеонорой. Бедный Джек, это страшно его огорчило! "Проделал весь этот путь из Кенсингтона, чтобы повидать старика, – воскликнул он, – и теперь, видите ли, к ним нельзя! Почему они только и знают, что ссорятся?"

Я заметила, что он несправедлив к ним. "Просто ненавижу скандалы, – сказал Джек. – И еще у меня такое ощущение, что Элеонора могла бы приложить немного усилий и научиться ладить с семьей".

"Но она очень предана вашему дяде, – возразила я. – Что же касается отношения Элеоноры к вам, в этом мы все с ней согласны, слишком уж безрассудную жизнь вы ведете".

Затем майор Эрншо предложил сыграть партию в вист троим, со ставкой по два пенса за очко. Боюсь, что и с ним Джек был не очень любезен. Сказал, что, может, он и безрассуден, но предпочитает висту стаканчик доброго портера в столовой. Он вышел, а мы с майором Эрншо сели играть в безик.

– Скажите, а вы с майором Эрншо выходили после этого из комнаты? – поинтересовался Холмс.

– Да, – помедлив, кивнула она. – Майор вдруг странно засуетившись, сказал, что забыл табакерку с нюхательным табаком где-то наверху. – В других обстоятельствах, подумал я, все также пристально глядя на эту девушку, на ее мимику, на движения ее губ и ресниц, Кора Мюррей непременно

рассмеялась бы. Но сейчас она только хмуро пожала плечами. – Ну и очень быстро выскочил из комнаты, на ходу ощупывая карманы и клянясь, что не может сесть за карты без нюхательного табака. И вот, мистер Холмс, я осталась одна, с картами в руках, сидела и ждала. И вдруг почему-то мне стало страшно. Аж вся сжалась и озноб пробежал по телу.

Она невольно поежилась и тут же поежился и я. И мне вдруг захотелось обнять ее за худенькие плечи, прижать к себе, успокоить, защитить.

– Мне вдруг вспомнился странный блеск в глазах Элеоноры, – после короткой паузы тихо продолжила она. – Я заметила его, когда мы сидели за обедом.

Он мне напомнил блеск глаз Чандры Лала – с тех пор как в доме появилась маска смерти, он смотрел на окружающих с каким-то тайным злорадством. В этот момент, мистер Холмс, я и услышала два револьверных выстрела. – Кора Мюррей резко вскочила, и я не успел ее придержать, как это ранее проделал Холмс. – Нет, не подумайте, я не ошибаюсь! – воскликнула она, возбужденно взмахнув руками. – Я точно помню! Не думайте, что я приняла какие-то другие звуки за выстрелы. И потом, я уверена, что именно эти выстрелы убили полковника и... – Глубоко вздохнув, она снова опустилась в кресло. – На секунду я оцепенела. А затем выбежала в холл и едва не столкнулась там с майором Эрншо. Я закричала – Что произошло?! В ответ он пробормотал нечто нечленораздельное. И тут из столовой выскочил Джек

Лейшер с графином портера.

– Кто-то стрелял? Мне не почудилось? – растерянно спросил он, непроизвольно делая глоток прямо из бутылки.

– Я тоже услышала, – заверила я его.

– Тогда вам лучше побыть в кабинете, Кора, – сказал Джек, решительно снимая со стены одну из многочисленных сабель. – Кажется, в дом пробрались грабители.

Ну, и мужчины бросились к двери в антикварную комнату. И я за ними. А тут майор Эрншо воскликнул: "Заперто, черт побери! Джек, помогите выбить эту чертову дверь!".

И мужчины попытались выбить ее плечами, но у них ничего не получилось.

– Послушайте, сэр, – сквозь зубы возразил Джек, непроизвольно размахивая саблей. – Чтобы выбить эту дверь, нужен как минимум оружейный залп. Вы подождите здесь, а я обегу дом снаружи и посмотрю, нельзя ли пробраться через окно.

И он выбежал наружу. Ну и я невольно побежала за ним.

Мисс Мюррей замолчала, давая себе невольный отдых и собираясь с мыслями.

– Вы побежали одна? – прождав пару минут спросил Холмс, подавшись при этом вперед в своем кресле, в сторону посетительницы.

– Майор Эрншо остался. А у самого выхода к нам присоединился Чандра Лал, – задумавшись кивнула она. – Мы подбежали к окну и через стекло я увидела Джорджа и Элео-

нору. Они лежали на ковре лицами вверх. Джордж был неподвижен, а руки Элеоноры судорожно скребли ковер. И из ее груди обильно текла кровь.

Мисс Мюррей снова замолчала. Ее руки задрожали, глаза заблестели от влаги и мы с Холмсом тактично промолчали, пока она платком аккуратно промокала уголки глаз, пытаясь успокоиться.

– Ну а затем? – спросил Холмс, видимо решив, что наша клиентка все-таки взяла себя в руки.

– Выругавшись, Джек тут же схватил камень из сада камней – тот был совсем рядом, – продолжила Кора монотонно-усталым голосом. – И разбил окно. Сунул в отверстие руку и распахнул створки. Потом он быстро вошел внутрь. За ним – я. И тут же подбежала к Элеоноре.

Голос ее дрогнул и она снова замолчала, промокая глаза. Мы тактично ждали.

– Она умерла у меня на руках, – сдавленно проговорила мисс Мюррей и снова замолчала, старательно протирая платком глаза.

Мы с Холмсом по-прежнему молчали.

– Джек подбежал к двери и открыл задвижку. На пороге стоял майор Эрншо. И тогда я поняла – никаких грабителей в доме быть не могло, мистер Холмс.

– Почему не могло?.. – переспросил он странным тоном, и я тот час с удивлением посмотрел на него.

– Дело в том, что Джордж страшно опасался за свою кол-

лекцию, – пояснила мисс Мюррей. – Даже каминная труба в этой комнате была заложена кирпичами.

Холмс задумался, нахмутив брови. Что-то во всей этой истории явно ему не нравилось. Но я даже не стал напрягаться, чтобы понять – что. Холмс потом сам мне все расскажет.

– Скажите, вас что-нибудь поразило? – наконец поинтересовался он подозрительно тихим бесцветным голосом. При этом зачем-то взяв нож с журнального столика.

Кора добросовестно задумалась. И я снова с щемящей душу тоской подумал – вот бы мне такую жену, умную, красивую и послушную.

– Да, действительно, меня поразило... – тихо произнесла она, и снова задумалась. – То, что Чандра Лал заворуженно уставился на маску смерти. И я тоже невольно посмотрела на нее. В это время майор Эрншо отбросил носком ботинка револьвер, лежавший у руки Джорджа. "Плохи дела, – вздохнул он. – Думаю, надо послать за полицией". А я все смотрела на маску. И вдруг поняла, что невероятно сильно хочу убить индуса. И даже поискала глазами пистолет на полу. Захотелось схватить его и выстрелить. Причем, стрелять до тех пор, пока патроны не закончатся. И эти мысли ужаснули меня! – Она снова посмотрела на нас, словно ища поддержки, но наши лица были скептическими – мы с Холмсом, не сговариваясь, оба не верили в потусторонние силы, и она сморщилась так, словно ее предали самые лучшие друзья. Обреченно вздохнув, тихо продолжила. – И тут мне стало по-настоя-

щему дурно. Потом приехала полиция. Меня долго мучили вопросами... Ну вот, собственно, и вся история.

Кора, снова судорожно вздохнув, умолкла, виновато посмотрев сначала на Холмса, а потом и на меня – и мне снова захотелось обнять ее и утешить, и даже руки зачесались, но я сдержал себя и только в который раз ободряюще улыбнулся.

Какое-то время Шерлок Холмс неподвижно стоял перед камином, вертя в пальцах нож и разглядывая его с таким видом, точно острое лезвие могло подсказать какой-то ответ на эту загадку.

– Гм... – буркнул он. – Ну, а каково положение дел сейчас?

– Джорджа и Элеонору отвезли в морг. А я поймала себя на мысли, что только вы сможете разобраться в этой загадочной и ужасной истории. С помощью доктора Ватсона, разумеется. – Она невольно глянула в мою сторону и я ей тут же в который уже раз ободряюще улыбнулся, на что она, впервые, ответила мне вымученной улыбкой. – Да, полиция приезжала во главе с инспектором Лестрейдом. Но почему-то надежды на них у меня очень мало.

– Действительно, мало, – откликнулся Холмс. Но в его глубоко посаженных глазах вспыхнул огонек; он приподнял нож и с размаху, резко вонзил его в стопку конвертов на столе. – И все же, инспектор Лестрейд – это куда как лучше! Если юная леди изволит немного подождать, я возьму сейчас пальто и шляпу, и мы немедленно отправимся на Кем-

бридж-террас.

Оставив мисс Мюррей в гостиной, Холмс ушел в свою комнату и быстро переоделся – я и так уже был в костюме – вернулся в гостиную, привычно сунул в левый карман увеличительное стекло и многозначительно посмотрел на меня. И я, невольно думая о наших оставшихся деньгах, о том, что половина из них уйдет на эту поездку, понадеялся, что наши траты все-таки не будут напрасны, одновременно стыдясь своей меркантильности. Надеюсь, что правильно понял Холмса, я накинул пальто, быстро спустился по лестнице и решительно вышел на промозглую темную улицу. Торопливо прошел влево до стоянки кебов. Подошел к ближайшему. Сел. Дал указания. Громко цокая копытами по булыжной мостовой (а утром этот звук раздается особенно громко), лошадь остановилась у нашего дома. И тут же дверь открылась и вышел Холмс, который, шагнул в сторону, пропуская мисс Мюррей, от холода и переживаний старательно кутающуюся в плед, выданный ей миссис Хадсон.

Я распахнул дверцы и они быстро скользнули внутрь. Причем мисс Мюррей – первой. Снаружи ее придерживал за руку Холмс, а внутри уже я подал ей руку и она с благодарностью ухватилась за нее (причем ее пальцы были необычайно холодными) и села рядом со мной, прижавшись при этом ко мне бедром.

Садясь, она быстро, украдкой поправила свой турнюр (этакая подушечка сзади на бедрах – чтобы женские ягодицы выглядели более пышными – так было принято в наше время).

А я, чувствуя тепло ее бедер, вдруг заволновался как школьник.

– Кембридж-террас, девять, – сухо скомандовал Холмс и экипаж медленно тронулся.

Всю дорогу мы молчали. Я молчал потому, что мисс Мюррей своим горячим бедром касалась моего, и я просто замер, не в силах вымолвить ни слова. Холмс же явно думал о чем-то своем. А мисс Мюррей просто была опустошена всеми этими трагическими событиями.

Мы долго тряслись по извилистым булыжным улицам Лондона.

Но вот наконец мы остановились.

– Приехали, господа, – равнодушно произнес кучер.

Открыв дверь кеба я первым выскользнул наружу, на прохладный утренний воздух, невольно ежась от холода. И поспешно, боясь, что Холмс опередит меня, подал руку мисс Мюррей, и она, придерживая юбку и опираясь на мою твердую руку, все еще бледная, вышла так величественно, что у меня буквально замерло сердце – ничего более впечатляюще-красивого я в свой жизни еще не видел. А воспоминания от ее прикосновения к моей руке надолго врезалось в мою память.

Последним вышел Холмс, также как и мы поежившись от утренней промозглой сырости и прохлады. Из рта у него шел пар. Он закрыл за собой дверь, расплатился и кеб тут же отъехал, быстро исчезнув в лондонском тумане.

Этим вялым апрельским утром Кембридж-террас выглядела какой-то особенно безлюдной и тихой. Сквозь высокую ограду из железных прутьев виднелся дом с зеленой дверью и высокими стеклянными окнами фасада.

Помня рассказ мисс Мюррей, я тут же посмотрел на окно первого этажа, расположенного для меня справа от входной двери. Первое окно было нетронутым, а стекло второго окна было разбито вдребезги, и фрамуги были все еще распахнуты настежь. Я невольно посмотрел на сад камней перед домом, увидев свежую выемку – именно отсюда был взят ка-

мень, которым разбили окно.

Холмс решительно вошел в приоткрытую калитку. Мисс Мюррей после непродолжительного колебания – за ним. А я – следом за ней, всегда готовый подхватить ее, если ей вдруг станет дурно. Зачем-то я закрыл калитку за собой и снова посмотрел на дом. И вздрогнул, заметив у разбитого окна ужасную фигуру в странном белом одеянии и в еще более странном тюрбане – он явно только что вышел откуда-то из-за дома.

Огромнейший крепко сложенный индус стоял неподвижно, точно один из индийских идолов. Он с неприкрытой ненавистью глядел на нас, а потом вдруг шагнул в разбитое окно и скрылся из виду, словно растворился.

На Шерлока Холмса он произвел примерно такое же впечатление. Я заметил, как напряглись его плечи под широким плащом-накидкой, пока он провожал пристальным взглядом фигуру слуги-индуса.

По широкой аллее мы подошли к притихшему скорбному дому, словно эта груда камней вдруг осознала, что внутри нее совершилось нечто ужасное.

Парадная дверь тоже была открыта и мисс Мюррей решительно вошла внутрь.

– Я позову дворецкого, – сказала она, устремляясь куда-то вглубь и мы с Холмсом остались снаружи.

Я попытался было войти следом за ней, но Холмс вдруг решительно придержал меня за руку.

– Скажите-ка мне, Ватсон, – вдруг спросил он, – вы не заметили ничего странного или противоречивого в рассказе мисс Мюррей?

Утренний туман и прохлада плотно окутывали меня, и изо рта вырывался пар. Я с удивлением посмотрел на своего друга.

– Он показался мне странным и даже ужасным! Но противоречивым?.. – Я в сомнении пожал плечами. – Нет, определенно нет!

Холмс мягко улыбнулся.

– И однако же вы первым начали возражать ей, – продолжил он.

– Но, мой дорогой друг, за все это утро я не произнес ни единого слова возражения! – искренне удивился я.

– Вы противоречите истине, – пожал плечами Холмс.

В этот момент в окно выглянул мужчина – этакий щуплый человечек с изжелта-бледной крысьей физиономией и острыми чёрными глазками, сильно похожий на хорька, но хорька очень агрессивного и способного напасть на любого, будь это хоть волк, хоть медведь.

– О, кого я вижу! – примирительно воскликнул Холмс. – Инспектор Лестрейд! Помнится, мы с вами уже встречались по поводу другой небольшой проблемы.

Мужчина подошел ближе к окну.

– Бог мой, Холмс собственной персоной! – с неприкрытой иронией ответил тот, брезгливо отряхиваясь. – Только,

пожалуйста, не называйте и эту историю проблемой. – Инспектор Лестрейд забавно приподнял светлые брови. – Вопрос здесь скорее в другом. С чего это вдруг полковник Уорбертон сошел с ума? Какие препараты довели его до такого состояния? И кто их ему давал?

– Так-так-так, – добродушно ухмыльнулся Холмс. – Может мы присядем?

– Конечно! – откликнулся молодой инспектор, приглашающе махнув рукой. – Забирайтесь!

Мы с Холмсом вошли внутрь сквозь французское окно. И оказались в длинной и узкой комнате, обставленной мягкими диванами и креслами. Правда впечатление уюта нарушалось множеством совершенно варварских безделушек. И одна из них сразу же бросилась мне в глаза – на подставке черного дерева лицом к окну располагалась довольно необычная маска: вытянутое в длину лицо, коричневое, с позолотой, с двумя огромными глазами, сделанными из какого-то блестящего синего камня.

– Как вам это симпатичное чудище? – хмыкнул Лестрейд, заметив мой взгляд. – Судя по всему, эта так называемая маска смерти напустила на них заклятие. Майор Эрншо и капитан Лейшер сейчас в кабинете, бурно обсуждают событие.

К моему удивлению, Холмс едва удостоил взглядом странный экспонат.

– Как я понимаю, инспектор Лестрейд, – начал он, расха-

живая по комнате и разглядывая выставленные за стеклом предметы, – вы уже опросили всех обитателей этого дома?

– Господи, да я только этим и занимался! – простонал инспектор. – Но что они могли сказать? Ведь комната была заперта. Человек, совершивший преступление, стрелявший в жену, а потом и в себя, мертв. Так что полиция считает это дело закрытым. Что дальше, мистер Холмс?

Вдруг Холмс внезапно остановился.

– А это что такое? – Быстро наклонившись, он поднял с пола какой-то мелкий предмет.

Инспектор Лестрейд быстро подошел к Холмсу и тут же равнодушно вскинул брови.

– О, всего лишь окурок сигары полковника Уорбертона, – устало ответил он. – Вы же сами видите, прожег дырку в ковре.

– Да, верно, – задумчиво согласился Холмс.

Дверь вдруг распахнулась и в комнату энергично вошел упитанный пожилой джентльмен. Я сразу понял, что это майор Эрншо.

– Полагаю, сэр, вы и есть мистер Шерлок Холмс, – начал майор Эрншо властным тоном. – Скажу вам сразу и без обиняков. Я не понимаю причин, по которым мисс Мюррей решила впутать вас в эту частную, чисто семейную драму.

– Возможно, другие поймут, – невозмутимо ответил Холмс.

Следом за ним появился высокий молодой человек с

бронзовым от загара лицом и бравыми гвардейскими усиками. Его сопровождала Кора Мюррей, расслабленно опираясь на его руку. И я снова с глубоким неудовольствием нахмурился.

– Капитан Джек Лейшер, – чинно произнесла мисс Мюррей, почему-то крепче прижимаясь к нему. И, видя, как ее грудь вдавливается в его плечо, я чуть ли не потерял самообладание, но вовремя спохватился, покосившись на Холмса, и сумел взять себя в руки.

– А это мистер Холмс и мистер Ватсон, – устало добавила она.

Мы чинно кивнули друг другу.

– Скажите, капитан Лейшер, – тут же быстро произнес Холмс, – ваш дядя всегда курил один и тот же сорт сигар?

– Да, сэр, – растерянно отозвался молодой человек. – Коробка вон там, на столике, – показал он рукой.

Все молча наблюдали за тем, как Шерлок Холмс пересек комнату и взял коробку сигар. Приподнял крышку, какое-то время разглядывал содержимое, затем поднес коробку к носу и принялся.

– Голландские, – сказал он, после чего внимательно посмотрел на Кору. – Ваши предположения оказались совершенно правильными, мисс Мюррей, – чеканя каждое слово, четко произнес Холмс. – Полковник Уорбертон вовсе не был безумцем.

Кора остолбенела, ничего еще не понимая. Майор Эрншо

громко и насмешливо фыркнул, а Лейшер, более воспитанный, скрыл улыбку, сделав вид, что разглаживает усики.

– Черт побери, – заметил он, – все мы рады вашей помощи и поддержке, мистер Холмс. Без сомнения, вы сделали этот чисто дедуктивный вывод, основываясь на вкусе полковника в том, что касается сигар.

– Отчасти, – мрачно ответил мой друг, естественным-небрежным жестом, у всех на виду вдруг нагло кладя одну из сигар себе в карман. – Доктор Ватсон может подтвердить, я посвятил немало времени изучению различных сортов табака и даже осмелился изложить свои взгляды в маленькой монографии, где перечислено свыше ста сорока вариаций сигарного пепла. И сигарные предпочтения полковника Уорбертона лишь подтверждают еще одну улику. Итак, Лестрейд?..

Инспектор из Скотленд-Ярда недоуменно нахмурился. Маленькие черные глазки подозрительно взирали на Холмса из-под бровей.

– Улику? О чем это вы, черт побери? – воскликнул он. – Все просто, как апельсин! Полковника и его супругу застрелили в комнате, двери и окна которой были надежно заперты изнутри. Не станете же вы этого отрицать!

– Нет, – равнодушно пожал плечами Холмс.

– Тогда давайте придерживаться фактов, мистер Холмс, – высокомерно скривился инспектор.

– Непременно, – бросил он в ответ, подходя к бюро из

черного дерева.

Заложив руки за спину, Холмс какое-то время задумчиво разглядывал странную раскрашенную физиономию идола. Потом достал из правого кармана перочинный ножик, раскрыл его, неторопливо достал из того же кармана конверт, медленно соскоблил в него что-то с маски. Внимательно понюхал, достал лупу – на этот раз из левого кармана, еще более внимательно рассмотрел маску. Мы все молчали, терпеливо ожидая.

– Вы не будете возражать, если заберу эту маску с собой? – повернулся он к капитану, как главному в доме. – Мне она необходима для некоторых исследований, – уточнил Холмс. – Завтра утром я ее вам верну.

– Да ради бога! – поморщился капитан Лейшер.

Холмс осторожно снял маску и положил ее на стол.

– Инспектор, скажите, а у вас есть соображения по поводу этой запертой двери? – вдруг повернулся он к Лестрейду.

Тот только надменно усмехнулся.

– Дело ясное, – равнодушно пожал он плечами. – Полковник заперся сам, чтоб никто ему не мешал.

– Именно, – тут же согласился Холмс и эта его поспешность меня несказанно насторожила. – Обстоятельство, наводящее на определенные размышления.

– Вполне определенные, – уверенно согласился Лестрейд, не видя в этом никаких проблем. – Полковника Уорбертона явно обуяло безумие, и он сотворил этот чудовищный по-

ступок.

В этот момент Холмс присел и принялся собирать в вазу разбитые оконные стекла, раскиданные по полу.

– Естественно, все мы желаем защитить доброе имя дяди, – вмешался молодой Лейшер. – Но, разрази меня гром, все обстоятельства и улики свидетельствуют о том, что полковник Уорбертон пал жертвой собственного безумия! И тут я не могу не согласиться с инспектором.

Холмс вскинул длинную тонкую руку.

– Полковник Уорбертон пал жертвой хладнокровного убийцы, – уверенно заявил он.

Я невольно вздрогнул, быстро посмотрев на мисс Мюррей. В комнате воцарилась мертвая тишина, все недоуменно переглядывались. Причем мисс Мюррей растерянно посмотрела на Холмса, а не на меня, что было почему-то неприятно, но вполне объяснимо.

– И кого же вы обвиняете, сэр? – вдруг сильно покраснев, взревел майор Эрншо, приподнимаясь. – Полагаю, вам известно, что в этой стране есть законы, карающие за клевету!

– Будет вам, майор, – добродушно усмехнулся Холмс. – Скажу вам по секрету вот что. Мои выводы в немалой степени базируются на вот этих вот осколках стекла, выбитого из окна, – демонстративно встряхнул он вазу. – Завтра утром – сегодня уже поздно для такой кропотливой работы – я собираюсь вернуться сюда и сложить их, и тогда, думаю, докажу вам свою правоту. Кстати, инспектор Лестрейд, полагаю, вы

любитель устриц?

Лестрейд заметно покраснел.

– Да, испытываю, можно сказать, слабость к устрицам, – раздраженно заметил он. – Но, хоть убейте, не понимаю, при чем здесь устрицы?

– Да при том, что когда вы едите устрицы, то наверняка пользуетесь специальной вилкой, – снисходительно усмехнулся Холмс, – которая должна находиться под рукой. И любой сколько-нибудь наблюдательный человек сразу заметит, если вы вместо своей вилки возьмете вилку соседа по столу. Надеюсь, вы поняли мою мысль?

Какое-то время Лестрейд внимательно смотрел на моего друга.

– О-очень любопытно, мистер Холмс, – выдавил он наконец. – Буду рад дальнейшему сотрудничеству с вами.

– Я посоветовал бы вам распорядиться, чтобы разбитое окно заколотили досками, – сказал Холмс. – И еще проследить за тем, чтобы ничего тут до завтра не трогали. Встретимся утром. Идемте, Ватсон, уже начало второго. Как-то не хочется пропускать блюдо под названием "Кальмары по-сицилийски" в "Пелигрини".

И прежде чем распрощаться со всеми и покинуть этот дом, Холмс вдруг взял вазу и решительно высыпал осколки в камин.

8

Мы с Холмсом вышли на улицу. Посмотрели по сторонам, и пошли направо, решив, что там у нас будет больше шансов найти кеб. И действительно... Вскоре мы вышли на небольшую площадь, на которой виделись сонные кебы.

Я достал кошелек, сунул ближайшему кебмену последние наши деньги – я точно знал что у Холмса нет ни пенни.

Естественно, ни в какой «Пелигрини» мы не поехали.

Почти всю дорогу мы молчали. Я прикидывал, как нам жить на то, что у нас осталось – то есть совсем без денег. Но потом мне это надоело и я переключился на преступление.

– Холмс, а как вы догадались, что это была Кора Мюррей? – осторожно поинтересовался я, боясь оказаться объектом насмешек.

Холмс, придерживая пакет с маской, внимательно посмотрел на меня, прикидывая что-то в уме.

– Это элементарно, – наконец пожал он плечами. – Во-первых, как-то я прочитал в газете, что из Индии приехал полковник Уорбертон с женой и ее подругой – мисс Корой Мюррей. Во-вторых, у посетительницы на руке был индийский браслет. В-третьих, к нам не могла бы приехать жена полковника – она бы приехала с лакеем. Остается подруга жены. А в-четвертых, это было только предположение. Вы же наверняка заметили, Ватсон, что я не утверждал, что она

– Кора Мюррей, а только спросил, – и он улыбнулся мне.

Вернувшись домой, я долго переодевался в своей комнате, с каким-то сладостным трепетом думая о Коре, вспоминая ее глаза, ямочки на щечках, редкую, но такую очаровательную улыбку!

Когда я спустился в гостиную, Холмс в своем рабочем углу уже сидел за микроскопом.

Впрочем, он изучал совсем не маску. Он занимался своими исследованиями пепла табака.

– Ватсон, вы вроде как с мисс Мюррей в хороших отношениях, – вдруг повернулся ко мне Холмс.

Я с удивлением посмотрел на своего друга, собираясь спросить – с чего это он взял, но вдруг, неожиданно для самого себя, смутился и промолчал.

– Не могли бы вы узнать у нее, – как ни в чем не бывало продолжил Холмс, – в какое точно окно из двух они заглядывали – в ближайшее от двери или в следующее? Поверьте мне – это очень важно.

Я помедлил с ответом, вдруг осознав, что у меня появилась реальная причина для встречи с Корой. И я понял – я хочу ее снова увидеть! Прямо сейчас! Немедленно!

Стараясь не подать вида, я как можно равнодушнее кивнул.

Быстро написал Коре записку. Перечитал, скомкал. Выбросил. Снова написал. Снова выбросил. Наконец девятый вариант меня вполне устроил. В нем я коротко и достаточно вежливо написал, что у Холмса есть вопросы, и предложил несколько вариантов встречи. Завернул в конверт. Заклеил. Надписал конверт.

Даже не накинув пальто, выскочил на промозглую улицу. Поискал глазами местных мальчишек. Увидел одного. Свистнул. Он обернулся. Я его поманил, энергична махая

рукой – так я торопился. Он неуверенно приблизился, настороженно косясь на меня.

– Хочешь заработать десять пенсов? – спросил я.

– А кто не хочет, – ухмыльнулся он.

– Отнеси эту записку по адресу Кембридж-террас, девять, мисс Коре Мюррей.

Я протянул ему конверт и он, ни слова ни говоря, убежал.

Я вернулся в гостиную.

Но места себе не находил.

Все время натываясь на язвительные замечания Холмса, но стараясь не обращать на них внимания, я в нетерпении ждал ответа.

А тут и миссис Хадсон внесла поднос – наступило время обеда.

Чинно поставила поднос на стол, расставила приборы и две тарелки с супом.

– Джентльмены, приятного аппетита, – пожелала она и, зажав поднос подмышкой, также степенно удалилась.

– Спасибо, – хором ответили мы ей вслед, вежливо наклонив головы, и быстренько заняли свои места, поддевая салфетки и хватаясь за ложки.

Разговаривали мы мало. Я думал о Коре и о ее возможной реакции на мое предложение – и здесь моя фантазия услужливо предлагала огромную кучу вариантов! Холмс же думал о чем-то своем.

Потом миссис Хадсон принесла телятину с овощами, за-

брав пустые тарелки из под супа.

– Благодарим вас, – сказали мы с Холмсом, дружно берясь за ножи и вилки.

А вскоре после обеда миссис Хадсон ввела в гостиную моего посыльного.

– Вам ответ, – тяжело дыша, выдавил он, протягивая мне маленький розовый конвертик.

Я поспешно, трясущимися руками, вскрыл его. Ровный красивый почерк. Кора согласилась. Но указала, в каком парке и во сколько. Записку я дочитал до конца, но почему-то никак не мог осмыслить ее согласия и просто глупо пялился на бумагу.

– С вас десять пенсов, – наконец решительно промолвил мальчуган, все еще тяжело дыша.

Я потянулся к нашей шутовой копилке – этакий толстый эсквайр в котелке. Туда мы обычно кидали разную мелочь.

– Ватсон, – ухмыльнулся Холмс. – Я вас не узнаю.

Ничего не отвечая – в конце концов я же ведь действую в его интересах! – я взял с журнального столика тонкий нож, просунул его в щель, наклонил копилку, потряс. Вывалилось несколько монет.

– Держи, – протянул я мальчику двадцать пенсов.

Он взял, посмотрел, просиял глазами и убежал, даже не поблагодарив. Остальные монеты я положил себе в карман.

А я тут же ушел к себе. Поспешно и как-то даже странно-суетливо переоделся. Не глядя на Холмса я вернулся к нашей копилке. И снова решительно сунул в узкую щель тонкий нож, настроив себя не обращать никакого внимания на насмешки Холмса – тех денег, что лежали в копилке не хватит заплатить миссис Хадсон и за неделю – не то что за месяц.

Выудил деньги на кеб туда и обратно, и по мелочам на парк – охлажденный сироп для Кору, корм уткам и лебедям, и прочее.

Потом также не глядя в сторону Холмса я накинул плащ и решительно выскочил на лестницу.

Вышел я заранее до назначенного часа – ведь еще надо было найти кеб! Впрочем, свободный экипаж подвернулся довольно быстро – не прошел я и тридцати метров.

Раньше времени оказавшись в парке, я заранее купил два пакетика с кормом для птиц, и принялся неторопливо прогуливаться возле центральных ворот в ожидании Кору.

И, надо сказать, это было довольно мучительно! Так как при каждом подъезжающем экипаже я начинал изрядно волноваться, поправлять виски, одежду, сердце мое начинало учащенной биться, и вообще – я ощущал себя очень уж отвратительно. А экипажи все подъезжали и подъезжали, ста-

раясь свести меня с ума – ведь Кора среди них все не было.

От постоянного волнения я даже вспотел, и, не имея зеркала, но чувствуя свое состояние, я понимал, что я еще и покраснел. А значит, мой внешний вид не мог произвести благоприятного впечатления на молодую леди.

И от всех этих мыслей я расстроился и к своему стыду не заметил, как подъехала Кора.

– Добрый день, доктор Ватсон, – почтительно произнесла она, и я вздрогнул, резко обернувшись.

Милая Кора. Она стояла рядом со мной. Вся такая хрупкая, добрая и нежная. Снова захотелось прижать ее к себе, окунуться лицом в ее роскошные волосы.

Я растерялся.

– Добрый день, мисс Кора, – пробормотал я, смущаясь. – Извините, задумался, – попытался оправдаться я.

– Ничего страшного, – слабо улыбнулась она мне грустной улыбкой. – Я тоже часто задумываюсь и попадаю в неловкие ситуации. Наверное, это свойство всех мыслящих людей.

Я кивнул и вдруг осмелившись, согнул правую руку и локоть протянул ей, явно при этом покраснев еще сильнее. Сердечко мое стучало невероятно. И я не понимал себя. Но понимал, что мне хочется быть с ней, и быть как можно дольше.

Между тем Кора, покосилась на мой локоть, и пока она размышляла, мое сердце стучало особенно глухо, колоколом отзываясь в затылке. Наконец Кора протянула руку и осто-

рожно положила пальцы на стиб моей руки. Но и после этого мне не стало легче, а только наоборот – сердечко забилось еще сильнее от ее прикосновения, от тепла ее нежной руки. Я непроизвольно замер, не зная что делать дальше.

– Может, мы пойдем? – услышал я тихий голос Кору и мне снова стало стыдно.

Я как можно небрежнее направился в глубь парка, укоряя себя за слабость. Ну нельзя же так расклеиваться перед девушкой! – резко выговаривал мне бравый усатый майор, пововавший в Афганистане. – Ага, а ты сам попробуй! – так же мысленно отвечал я. – Когда вот такая вот девушка идет рядом с тобой, да еще и держит тебя под руку!

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – наконец промолвила Кора.

Я, старательно вышагивая по песчаной аллее, пару минут собирался с мыслями, лихорадочно прокручивая в голове варианты своей речи, и наконец произнес.

– У Шерлока Холмса возникли новые вопросы по поводу этого дела, – почему-то сухо произнес я, ругая себя за подобную интонацию. – И он, занятый своими многочисленными опытами, попросил меня встретиться с вами.

Я взглянул на Кору и она вдруг грустно улыбнулась.

– Значит только поэтому вы захотели встретиться со мной? – тихо промолвила она.

– Ну почему же! Нет, конечно! – тут же искренне воскликнул я, и Кора снова чуть заметно улыбнулась. – Я просто хо-

тел помочь Холмсу. Ну и очень рад, что смог встретиться с вами, Кора!

Я повернул к ней голову, продолжая неторопливо вышагивать по песку. Она смотрела прямо перед собой, на аллею, по которой мы шли. Мой взгляд она конечно заметила, но не посмотрела на меня, и даже не улыбнулась.

– Вопрос в следующем, – замялся я, желая побыть с ней как можно дольше, и в то же время совсем не желая быстро заканчивать с ней свидание. – Холмс спрашивает, в какое точно окно из двух вы заглядывали – в ближайшее к двери или в следующее? Только не торопитесь, вспомните все как следует. Это важно.

– В ближнее, – тут же ответила она.

Я остановился. Придерживая меня под руку, остановилась и она.

– Вы точно в этом уверены? – спросил я, пристально глядя на свою красивую спутницу.

Какое-то время Кора смотрела мимо моего плеча на пруд, а потом вдруг быстро посмотрела на меня, так что я вздрогнул и смутился, поспешно отводя глаза.

– Конечно я в этом уверена! – решительно заявила она, придерживая меня под руку и слегка касаясь телом моего предплечья.

Я на мгновенье замер, наслаждаясь этим прикосновением. Но пауза затягивалась и я вынужден был произнести:

– Большое вам спасибо. Шерлок Холмс будет доволен.

Кора Мюррей внимательно посмотрела на меня.

– И что? – спросила она. – Нам можно уже расходиться?

На какое-то мгновение я просто растерялся от ее такого прямого вопроса.

– Нет, конечно! – наконец поспешно воскликнул я, боясь что вот сейчас она развернется и уйдет. – Вы не будете возражать, если мы с вами еще немного прогуляемся по парку? – произнес я с видом многоопытного ловеласа, но к своему стыду чувствуя, что эта фраза в моем исполнении прозвучала довольно глупо и нелепо.

Но тем не менее Кора даже не улыбнулась. Все также спокойно глядя на меня, она о чем-то немного поразмышляла, а потом кивнула.

– Хорошо, – тихо произнесла Кора. – Давайте еще немного погуляем.

Мы молча дошли до пруда. К моему удовольствию Кора небрежно держала меня под руку, словно мы с ней так ходим уже давно. Остановились у мутной воды, разглядывая птиц.

Я подал ей пакетик с кормом.

Она, к моему сожалению отпустив мою руку, его неспешно развернула и принялась вялыми неторопливыми движениями кидать в пруд мелкие щепотки. Закормленные птицы еще более вяло потянулись на новую кормежку. Они совсем не кидались на еду и предпочитали ловить только то, что долетало им прямо в рот. Все остальное падало в воду и тонуло – никто из птиц за ним не бросался.

Кора была молчалива, грустна и загадочна. Это и понятно. Ведь утром убили ее подругу и она видела смерть. Вряд ли бы она смогла смеяться уже к обеду.

В редкие мгновенья Кора, изредка оборачиваясь ко мне, совсем невесело улыбалась. И от ее улыбки каждый раз нежно сжималось мое сердце.

При очередном броске она вдруг дернулась, теряя равновесие, и я быстро придержал ее за руку и, для надежности, за талию. Она замерла. Замер и я, вдруг понимая, что всю свою оставшуюся жизнь я хочу провести именно так – обнимая Кору за талию.

Потом, мягко, и как мне показалось – с неохотой, отстранилась. Ну еще бы! – подумалось мне. У нее такое горе, и ей просто необходим кто-то, на кого она могла бы опереться, кому могла бы довериться, кто бы мог ее поддержать, за кем бы она могла спрятаться от невзгод как за каменной стеной.

* * *

– Последнее время я часто думаю, – вдруг тихо промолвила Кора, – что жизнь вообще бессмысленна. Вот скажите мне – зачем я в детстве училась читать, долго и старательно училась музыке, рисованию? Ведь когда я умру, все это никому будет не нужно, все эти мои напряженные потуги! – Она с какой-то детской мольбой посмотрела на меня, но я, честно говоря, откровенно растерся и сразу не нашел, что и

ответить. И она печально отвернулась от меня. – Когда я так подумаю, – еще более тихо продолжила Кора, – такая тоска охватывает всю меня – хоть вешайся!

Она снова посмотрела на меня, все еще ожидая от меня помощи. Я понял – убийство ее подруги и ее мужа очень сильно подействовало на нее, и она хочет поддержки, умных возражений, убедительных доказательств обратного. Но снова никаких умных мыслей мне на ум не пришло, и я злился на себя, за то, что как только от меня потребовалась помощь, я вдруг оказался абсолютно бессилён! И тут я решился. Зачем откладывать неизбежное на потом!

– Я люблю вас, Кора! Я очень вас люблю! – воскликнул я, и вдруг быстро-быстро продолжил, стараясь высказать все, прежде чем она меня прервет. – Я жить без вас не могу! С тех пор как я вас увидел, я потерял покой. И это правда! Я постоянно думаю только о вас, Кора!

Она растерянно повернулась ко мне. Ее бледные щеки вдруг окрасились румянцем.

– Джон, простите, – тихо пробормотала Кора, потупив глаза. – Все это конечно очень трогательно, но я вас не люблю. Извините. Я люблю совсем другого человека. И только о нем и думаю все это время. Я уверена, вы будете счастливы, ведь вы – очень хороший человек!

Меня словно окатили ледяной водой! Я все это слушал, но не все слова понимал. Да еще и бешеные удары сердца гулким колоколом ударялись в виски и барабанные перепон-

ки, и мешали слушать.

Кора посмотрела мне в глаза. Наверное что-то в моем лице ей не понравилось.

– Доктор, вы очень милый, – поспешно добавила она, беря меня за обе руки и страстно сжимая их, и я снова захотел такую вот спутницу жизни, которая именно так сжимала бы мои руки. – Я ничуть не сомневаюсь, что вы найдете себе очень замечательную жену. И даже уверена в этом! И вы будете счастливы!

Я расстроено кивнул, думая, что кто-то влюбляется сразу, а для кого-то необходимо время. И я не собирался так быстро сдаваться! Вот окружу Кору заботой, вниманием, дружбой – глядишь, все и переменится. Ведь все – в моих руках!

Дверь мне отворила миссис Хадсон. Едва я, радостный и возбужденный, успел войти, как дом содрогнулся от громкого выстрела. Миссис Хадсон ухватилась за перила.

– Ну вот, сэр, опять! – жалобно простонала она. – Что это такое творится! – Миссис Хадсон испуганно посмотрела на лестницу на второй этаж. – И еще говорит, будто все это исключительно в интересах правосудия. Я, конечно, понимаю, что он сравнивает! Но, доктор Ватсон, если вы не подниметесь к нему, и как можно скорей, мы вообще останемся без газового отопления! – И она с мольбой посмотрела на меня.

– Да-да, конечно, – поспешно пробормотал я, устремляясь к лестнице. – Я сейчас же с ним переговорю.

Я как раз отворял дверь в гостиную, когда грянул очередной выстрел. Быстро распахнув дверь, я, горя искренним негодованием, решительно ворвался внутрь. В гостиной, в облаке вонючего порохового дыма смутно вырисовывалась фигура Шерлока Холмса. Облаченный в халат, он сидел в кресле с сигарой в зубах и дымящимся револьвером в правой руке, а левой рукой небрежно поглаживал жуткую маску. И я невольно испугался – уж не околдовала ли она и его тоже?! И даже попытался, попытавшись быстренько скрыться. Впрочем, я решительно взял себя в руки. Ведь Холмс – мой друг! А друзей в беде не бросают!

– А, Ватсон... – вяло протянул он.

– Господи, Холмс, но это же просто невыносимо! – крикнул я, входя в гостинную и закрывая за собой дверь, сильно недовольный всем происходящем. – В доме воняет, как на стрельбище. Если вам не жалко домашнего имущества, умоляю, пощадите хотя бы нервы миссис Хадсон! И оставьте маску в покое! – Я быстро распахнул окна эркера настежь и с облегчением отметил, что выстрелы, по всей видимости, заглушал шум проезжающих по улице карет и двухколесных экипажей, и не привлекли к ним излишне подозрительного внимания. – И нездоровую атмосферу создаете, – сурово добавил я.

Холмс протянул руку и положил револьвер на каминную доску.

– Нет, ей-богу, Ватсон, не знаю, что бы я без вас делал! – насмешливо сказал он. – Я и прежде замечал, что вы обладаете недюжинным даром. Являетесь тем оселком, на котором может оттачивать мысль более высокоорганизованный разум.

Замечание про более высокоорганизованный разум я демонстративно пропустил, словно его и не слышал. Только поморщился.

– Давненько не видел вас с сигарой, – заметил я, вешая пальто и блаженно опускаясь в свое любимое старое кресло.

– Все зависит от настроения, Ватсон, – благодушно заметил Холмс, затягиваясь сигарой. – Вот в данный момент поз-

волил себе маленькое баловство, позаимствовал одну сигару из запасов полковника Уорбертона. – Он покосился на каминные часы. – Гм... Впереди у нас еще целый час. Так что давайте обменяемся взглядами о многообразии человеческой подлости, а также о высочайших проявлениях духа, присущих даже худшим из нас, – загадочно произнес он, и я невольно насторожился. – Страдивари, Ватсон. Скрипка за вами, в углу.

Пожав плечами, я подал ему футляр.

И пока Холмс задумчиво играл, я не находил себе места.

Я был счастлив. Чувствуя, что все время глупо улыбаюсь, я, не в силах усидеть на месте и постоянно болтаясь по гостиной, ловил на себе подозрительные взгляды Холмса, бросаемый им на меня поверх скрипки, но ничего поделывать с собой не мог. Да и не хотел.

Так что Холмс наконец прервался, убирая смычок.

– Ватсон, я вижу вас насквозь! – воскликнул он, с легким удивлением глядя на меня. – Ну-ка выкладывайте, что вас так сильно и странно беспокоит?

Я растерянно остановился напротив него, не зная, с чего и начать. Да и надо ли вообще?

– Ну же, смелее, Ватсон! – подбодрил он меня, видя мое замешательство.

– Холмс, дружище, я кажется влюбился! – выдохнув, быстро сознался я, и на моем лице непроизвольно расплылась глупая, отвратительно-счастливая улыбка.

– Фи, Ватсон! – неожиданно для меня удивился Холмс. – Это же ведь только природное влечение, предназначенное для продолжение рода. Нельзя же этим так глупо увлекаться!

– И тем не менее, Холмс!... – радостно воскликнул я, снова энергично заходя в комнату – стоять на одном месте я был не в силах. – Черт, вам этого не понять, сухарь вы этакий! Вы даже и не представляете, как мне сейчас хорошо!

– Я это вижу, – сухо заметил Холмс. – И я в принципе ряд за вас. И я вам также ужасно сочувствую.

– Почему это? – удивился я, пристально посмотрев на Холмса.

– Ваше разочарование будет просто катастрофическим, – честно ответил он.

– О чем это вы говорите? – еще больше удивился я, теряя остатки своей эйфории.

– О вас, вашей любви и вашем ужасном разочаровании, – тихо заметил мой друг.

Какое-то время я смотрел на него, на его спокойное и несколько виноватое лицо, а потом энергично потрянул головой.

– Да ну вас, Холмс! Чтобы вы понимали в любви! Это все-таки не пепел от сигарет!

В этот момент в гостиную вошла миссис Ходсон.

– Джентльмены, – все также степенно произнесла она, – ужин готов. Подавать?

– Конечно, дорогая миссис! – тут же воскликнул Холмс, мгновенно меняя свое лицо с растерянно-удрученного на вежливо-спокойное. – Мы в нетерпении его ждем.

И наша хозяйка вскоре принесла ароматную утку, запеченную в духовке с яблоками и рисом.

За ужином мы разговаривали о любви и о женщинах вообще.

Судя по выражению лица Холмса, мой друг решил, что я серьезно заболел, и пытался тактично меня успокоить. И меня это откровенно забавляло.

Я никак не мог успокоиться. Все время Кора Мюррей стояла перед моим взором. Особенно как трепетали ее длинные пушистые ресницы, когда она смотрела на меня, и – еще более особенно – как она откусывала этот треклятый кекс! Вид ее белоснежных зубов, волнующе открывающийся ротик приводили меня в странное исступление!

12

Вскоре солнце скрылось за домами. У нас в гостиной заметно потемнело.

– Подремлем, или что-нибудь почитаем? – вдруг поинтересовался Холмс.

Я с некоторым удивлением посмотрел на него.

– В том смысле, что газ стоит денег, – пояснил Холмс недовольным тоном – для него все это было очевидным. – Денег, которых в настоящий момент у нас нет.

– Почитаем, – тем не менее ответил я – сидеть в темноте мне не доставляло удовольствия.

Холмс кивнул, потянулся и включил газовый светильник. Стало гораздо светлее.

– Благодарю вас, – невольно кивнул я.

– Вы себя еще возненавидите за это решение, – хмыкнул Холмс. – Когда наступит время платить по счетам.

Я ничего не ответил, молча уткнувшись в книгу, которую я в настоящий момент читал – такая книга всегда лежала на камине.

Было почти одиннадцать, когда на пороге гостиной возникла заспанная Мисс Хадсон.

– Господа, к вам явно полицейский, – спокойно сообщила она. – И скорее всего – инспектор. Впустить?

– Впустите, пожалуйста, – сказал Холмс и из-за миссис

Хадсон выдвинулась угловатая фигура инспектора Лестрейда в клетчатом пальто. А сама хозяйка ушла спать.

– Добрый вечер, джентльмены, – сухо поздоровался вновь прибывший.

– Добрый вечер, – произнес Холмс. – Хоть мы с вами и встретились пару раз, но у меня в гостях вы впервые.

Он снял пальто и повесил его на крючок рядом с моим.

– Я понял, что вы имели в виду, мистер Холмс, – сказал он, поворачиваясь от вешалки. – В полночь на дежурство перед домом заступит констебль. И о разбитом окне тоже не беспокойтесь; в дом можно будет пробраться, не тревожа жильцов, – добавил он, взяв стул и приблизившись к камину.

Холмс удовлетворенно потер руки.

– Отлично, великолепно! У вас талант досконально выполнять... э-э... самые деликатные поручения, – тепло заметил он. – Ну а пока одна-две трубки помогут нам скоротать оставшееся время. Считаю, для нашего плана будет фатальной ошибкой, если мы займем позиции до наступления полуночи. А теперь берите-ка стул и попробуйте вот этот табачок. А мистер Ватсон попытается доказать вам, чем отличается от того, который курит он сам.

Вечер мы проводили весьма приятно. Шерлок Холмс находился в приподнятом и добродушном настроении. Он терпеливо выслушал рассказ инспектора о банде французских фальшивомонетчиков, чьи действия угрожали стабильности луидора. Затем и сам побаловал Лестрейда весьма хитроум-

ной теорией о влиянии рунических знаний на развитие кланов в северной и северо-западной Шотландии.

А я все это время был в сильнейшем нетерпении – так хотелось снова увидеть Кору!

Время от времени мне хотелось тайно выскользнуть из квартиры и уехать самому, и я придумывал море отговорок чтобы покинуть гостиную. Но каждый раз сдерживал свое нетерпение. Наконец я взял себя в руки и переключился на эту странную таинственность моего друга.

– Холмс! – наконец воскликнул я. – Может вы мне объясните, на кого мы собираемся устроить засаду?

– Да, кстати, Холмс, мне тоже будет интересно послушать! – поддержал меня Лестрейд.

Холмс внимательно посмотрел на нас обоих.

– Я не скажу, кого подозреваю, – решительно ответил он. – Вдруг я окажусь неправ? И это будет некрасиво. Поэтому действуем по факту – кто зайдет ночью, тот и убийца. Хотя надо будет еще посмотреть на его поведение – мало ли что.

– Холмс, а что вы ожидаете? – поинтересовался инспектор.

– Некоторых его определенных действий, – уклончиво ответил он.

И я понял, что большего от него мы не добьемся.

Бой часов, возвещающих о наступлении полуночи, вернул нас к реальности.

Холмс быстро встал с кресла и подошел к письменному

столу. Выдвинул ящик. В кровавом свете газового светильника я заметил, как мрачно и сосредоточенно было его лицо. Холмс достал из ящика тяжелую дубинку.

– Вот, суньте-ка в карман, Ватсон, – сказал он, протягивая мне это орудие. – Ибо я уверен, наш подозреваемый склонен к насилию. А теперь, мистер Лестрейд, поскольку миссис Хадсон уже, наверное, в постели, давайте спустимся потихоньку и поймаем первый же экипаж, – добавил Холмс, захватив с собой маску, которую он сунул в бумажный пакет.

Лестрейд первым открыл двери гостиной.

– Инспектор, – прошептал Холмс, – две ступеньки скрипят – четвертая и последняя.

– Я знаю, – недовольно ответил инспектор.

Тихо, чтобы не разбудить миссис Хадсон, мы спустились друг за другом, добросовестно обходя скрипучие ступеньки, которые слабо освещались светом от уличного газового фонаря, проникавшем к окну.

Я, следуя за инспектором, замер, когда вдруг замер и он. Тихо щелкнул замок и наружная дверь открылась, впуская в темную прихожую скудный свет уличных газовых фонарей.

Мы поспешно вышли наружу, в ночную прохладу и свежесть, ударившую нам в лицо. Холмс также аккуратно прикрыл дверь. Я в это время молча направился направо. В сотне ярдов от нас на перекрестке в ночное время обычно кучковались кебы. И действительно, в сумеречной дымке – не все фонари горели – я разглядел пару затаившихся сонных

кебов. Мои спутники, судя по шагам – старались догнать меня.

Я подошел к ближайшему экипажу. Решительно распахнул дверь.

– Подъем, – сказал я в темноту.

– Да я и не сплю, сударь, – тут же послышался невнятный ответ и наружу, на мостовую, вылез вполне осоловевший кебмен и еще более сонно полез к себе на рабочее место.

– Вот и отлично, – сказал я, оборачиваясь к своим спутникам. – Экипаж подан! – взмахнул я рукой.

– Джон, тебе бы в театр... – тихо засмеялся Холмс, проходя мимо меня и улыбаясь. – Зря ты подался в медицину.

Идущий позади него инспектор тоже приглушенно расмеялся, и я, обидевшись, молча забрался за ними внутрь кэба и затих в углу.

– Любезнейший, – громко произнес Холмс. – Пожалуйста, Кембридж-террас, девять!

– Но! – тут же сдавленно выдавил из себя кебмен, экипаж тронулся, громко загремев колесами по булыжной мостовой, и я невольно посочувствовал всем местным жителям, так как сам всегда был недоволен, когда ночью меня будил грохот повозок.

Экипаж медленно двинулся вперед.

– И побыстрее, пожалуйста, – недовольно добавил Холмс, судя по интонации находясь в сильнейшем нетерпении.

– Как скажете, сэр, – донеслось снаружи.

И лошадь тут же прибавила шаг.

Ночь выдалась ясная, звездная, и, проехав лабиринтом узких улочек, мы вскоре оказались на Эджвер-роуд. По приказу Холмса кебмен притормозил на углу, и я увидел перед собой убегающую вдаль Кембридж-террас, безлюдную и освещенную редкими уличными фонарями. Тусклый свет чередовался с излишне черной тенью. Мы вышли из экипажа и, невольно поежившись, зашагали к нужному нам дому, так как вышли несколько раньше – а то вдруг нас увидят?

Улица была узкой и темной – фонари горели не все.

Наконец мы подошли к требуемой калитке. Она была закрыта, но Холмс молча чем-то там пошуровал и калитка открылась.

– Холмс? – донесся до меня тихий удивленный возглас инспектора.

– Лестрейд, – только и ответил Холмс.

Мы вышли на аллею.

Лестрейд кивком указал на доски, которыми было забито окно.

– С одной стороны они не закреплены, – шепнул он. – Только, прошу вас, осторожней.

Холмс небрежно кивнул, приближаясь вплотную.

Вскоре послышался тихий скрип и доски отошли, открыв достаточно свободного пространства. Мы по очереди про-

тиснулись в эту щель и оказались в антикварной комнате полковника Уорбертона, где, естественно, царила полная тьма.

Холмс извлек фонарик, его слабый луч прорезал тьму, и мы по стене дошли до алькова, где стоял диван.

– Ну вот, – шепнул мой друг, ставя маску на место. – Вполне удобная позиция, и камин совсем рядом.

Мы сели на диван. Холмс выключил фонарь и мы замерли в засаде.

Ночь выдалась на удивление тихая. Хотя время от времени тишину нарушал проезжающий мимо экипаж с припозднившимися гуляками – до нас доносилось их разухабистое пение да цокот лошадиных копыт, постепенно замирающий где-то вдалеке, у Гайд-парка. Потом, примерно час спустя мимо со звоном колокольчиков и пистолетным щелканьем бича возницы промчались бешеным галопом лошади пожарной повозки. Больше тишину не нарушало ничего, кроме тиканья высоких напольных часов в другом конце комнаты.

В воздухе пахло какими-то благовониями; от этого запаха, распространенного в восточных музеях, меня стало клонить в сон, и я изо всех сил принялся бороться с собой, стараясь не уснуть.

Первые часы казалось, что в комнате царит чернильная тьма, но вдруг я заметил, что слабый свет от уличного фонаря, тонким лучиком просачивающийся через уцелевшее и не забитое окно, падает на один из экспонатов, находивших-

ся в комнате. И я похолодел от страха, когда разглядел, что это. На меня пристально смотрело призрачное и от этого не менее страшное лицо идола! И он смотрел именно на меня! Должно быть, я невольно содрогнулся, потому что невидимый в темноте Шерлок Холмс тут же придвинулся ко мне.

– Маска, – шепнул он. – Наш трофей, конечно, менее впечатляет, но куда опаснее.

Откинувшись на спинку дивана, я пытался успокоиться, но вид этой страшной реликвии повернул ход мысли в новое русло. Перед глазами возникла странная фигура Чандры Лала в белом одеянии, индийского слуги полковника Уорбертона, и я силился припомнить, что именно говорила мисс Мюррей, описывая воздействие маски смерти на человека. Я знал об Индии, возможно, даже больше, чем Холмс, понимал, что господствующие там религиозный фанатизм и жертвенность не только могут оправдать любое преступление, но и вдохновить фанатика, верующего в подобных идолов, на самый дикий и жестокий поступок, невообразимый с точки зрения западного человека.

Я сидел и раздумывал о том, стоит ли делиться с коллегами этими соображениями, как вдруг от этих мыслей меня отвлек скрип дверной петли. Надо было немедленно предупредить Шерлока Холмса, что кто-то входит в комнату. Однако, протянув руку, я обнаружил, что друга моего рядом нет.

На протяжении нескольких секунд стояла полная тиши-

на. А потом луч света, падающий из окна, пересекла сутулая фигура, чьи шаги заглушал ковер, и скрылась в тени прямо передо мной. На секунду мне показалось, что я видел накидку с высоким воротником и капюшоном, а также длинный и тускло поблескивающий предмет, зажатый в приподнятой руке незнакомца. А еще через секунду луч фонарика осветил камин и раздалось какое-то постукивание и тихое позвякивание стекла.

Я уже было приподнялся с дивана, как вдруг чья-то тень метнулась на человека в капюшоне. Фонарик тут же погас, навесив на глаза толстый полог непроглядной тьмы. Тишину прорезала энергичная возня и приглушенный крик.

– Ватсон! – сдавленно выкрикнул Холмс – его явно душили.

Я слепо бросился вперед, во тьму, и тотчас наткнулся на клубок тел. Навалился сверху, судорожно ощупывая одежду. Ага – это не пальто моего друга! Я быстро ударил дубинкой в то место, где должна находится голова противника, но попал ему в плечо, и тут же невидимые стальные пальцы схватили меня за горло. Я вскинул руку, пытаюсь попасть нападавшему в глаза, но попал в скулу, и тот час его зубы злобно впились мне в предплечье. Человек этот обладал недюжинной силой. Но тут, слава Богу, вспыхнул свет – это Лестрейд зажег газовую лампу и бросился нам на помощь. И борьба тут же прекратилась. Все стихло. Щурясь от яркого света, я приподнялся на ковре и присел. Огляделся сквозь почти со-

мкнутые ресницы.

Холмс с побелевшим от напряжения лицом сидел, привалившись к стене, и одной рукой держался за плечо. Тяжелая кочерга валялась в камине, среди осколков оконного стекла, которые Холмс сложил сюда во время вчерашнего нашего визита. Рядом с камином Лестрейд крепко держал какого-то мужчину, полностью закрытого длинным плащом с капюшоном.

– Вот ваш человек, Лестрейд! – пробормотал Холмс. – Арестуйте его за убийство полковника Уорбертона и его супруги!

Лестрейд, внутренне озлобясь, судя по выражению его лица, резко и зло сорвал с нападавшего капюшон, и я остолбенел от изумления, не в силах вымолвить ни слова. Я просто глазам своим не верил и не сразу узнал в человеке с перекошенным от ярости лицом и злобно косящими глазами красивого и загорелого капитана Джека Лейшера.

В этот момент в комнату вбежала Кора.

– Что здесь происходит?! – воскликнула она, растерянно глядя на всех присутствующих. – Что все это значит?

– Это значит, что мы арестовали убийцу вашей подруги, – тихо произнес Холмс.

– И кто же это? – еще более растерянно произнесла она, пробегая глазами по всем нам.

– Это – Джек Лейшер, – кивнул я на убийцу, мелко дрожа. Я никак не мог отойти от горячки боя, причем – боя на смерть.

– Как?! – выдохнула она, резко побледнев. – Не верю! Не может быть! Это какая-то ошибка! Джек, скажите, что это неправда!

Но капитан только хмуро подставил руки под наручники.

– Вот так вот, – печально произнес Холмс, Лестрейд громко защелкнул наручники, а я приблизился к Коре и протянул руку, желая ее успокоить.

Но она неожиданно отпрянула от меня, словно от отвратительной змеи.

– Не прикасайтесь ко мне! – закричала Кора. Лицо ее покраснело и перекосилось от ярости. – Пустой напыщенный болван! Вы – ничтожество! Вы мне противны!

Эпилог

Прошло много-много дней. В том смысле что все это время я Холмса не мог и не хотел видеть. Да и вообще никого. Отбиваясь от слов сочувствия и вообще любого участия.

Впрочем, за все это время я наконец-то смог взять себя в руки, хотя и с трудом...

И вот мы снова с Холмсом, как ни в чем не бывало, сидим в гостиной у камина. Смотрим на горящий огонь, наслаждаемся уютным треском поленьев.

Холмс разлил по стаканам бренди с содовой и протянул один из них мне. Откинулся на спинку кресла, и в свете газовой лампы его заостренные орлиные черты казались высеченными, словно на барельефе.

– Должен извиниться перед вами, Ватсон, за все случившееся, – сказал он, касаясь губами края стакана и делая небольшой глоток. – Я тогда недооценил капитан Лейшера. А как ваша рука?

Он внимательно посмотрел на меня.

– Все еще чуточку побаливает, – ответил я, слегка скривившись и также делая небольшой глоток. И животворная жидкость приятно обожгла тело, вливая дополнительные силы и поднимая настроение. – А как ваше плечо? Мне помнится, именно туда попал удар капитана Лейшера кочергой?

– Ничего страшного, Ватсон, обычный синяк, – равнодуш-

но отмахнулся он. – Честно признаюсь, той ночью были моменты, когда я уже начинал сомневаться, что этот тип попадет в расставленную ловушку.

Я вопросительно посмотрел на своего друга.

– Да еще с приманкой, Ватсон, – кивнул он мне. – И если бы он не заглотнул мой крючок, нам стоило бы немалых трудов припереть капитана Лейшера к стенке. Расчет был на одно: что страх быть обвиненным в убийстве пересилит у него голос разума. Так, кстати, оно и случилось.

И Холмс удовлетворенно кивнул.

– Честно сказать, я до сих пор не понимаю, как вам удалось раскрыть это дело, – проговорил я, впрочем без всякого интереса – другие проблемы все это время сильно не давали мне покоя – я все это время фанатично пытался забыть мисс Кору.

Холмс снова откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком.

– На самом деле оно не представляло особой сложности, друг мой, – сказал он, слегка поглаживая плечо и невольно морщась. – Факты были вполне очевидны, но деликатность этого дела требовала, чтобы убийца раскрылся сам. Косвенные улики – сущее проклятие для человека, мыслящего логически.

– И все равно не понимаю. Я ничего не заметил, – честно возразил я.

– Все вы заметили, Ватсон, просто не связали воедино, –

ободряюще улыбнулся мне мой друг. – Помните, мисс Мюррей во время нашего разговора упомянула, что двери антикварной комнаты были заперты изнутри, а вот шторы на окнах не были опущены.

И Холмс, подавшись вперед, внимательно, не мигая, посмотрел на меня, наверное ожидая от меня возгласа – Ну да, как же я не догадался! Теперь-то все стало понятно! Но я промолчал, и он, пожав плечами, продолжил, осторожно откидываясь в кресле.

– Во-первых, вы помните, что шторы не были опущены. И это в доме, где окна первого этажа выходят на улицу! Странно, не правда ли? Помните, я тогда даже перебил мисс Мюррей, стал расспрашивать, были ли у полковника Уорбертона какие-либо необычные привычки. Этот факт мог свидетельствовать о том, что, возможно, полковник в тот вечер ожидал визитера. И что сама природа этого визита была такова, что хозяин или гость предпочли бы воспользоваться не входной дверью, а окном. Старый солдат относительно недавно женился на молодой и красивой женщине, а потому я сразу отмел версию о простом, вульгарном убийстве. И начал выстраивать другую, где визитер мог быть мужчиной, чей конфиденциальный разговор с полковником не понравился бы кому-то из обитателей дома. А потому визитер предпочел войти к полковнику через окно.

– Но ведь и окна тоже были заперты, – заметил я.

– Естественно. Мисс Мюррей утверждала, что миссис Уо-

Уорбертон зашла к мужу в антикварную комнату сразу после обеда и там между ними произошла ссора. И тут я подумал, что, если полковник действительно ожидал гостя, тогда шторы на окнах он специально не опустил, чтобы тот с улицы видел, что полковник в комнате не один, давая тем самым понять гостю, что аудиенция откладывается. Сначала, разумеется, это были просто предположения, соответствующие ряду фактов.

– Ну а личность загадочного гостя? – поинтересовался я, снова делая небольшой глоток.

– Поначалу тоже предположения, Ватсон, – ответил мне Холмс, также поднося свой стакан ко рту. – Мы знали, что миссис Уорбертон не одобряла поведения капитана Лейшера, племянника мужа. Я понял это еще в самом начале рассказа мисс Мюррей, но само по себе это еще ни о чем не говорило. И я нисколько не продвинулся бы в рассуждениях, если бы не последняя часть повествования Кэри Мюррей. Один упомянутый ею факт превратил подозрение в уверенность, и я сразу понял, что мы имеем дело с хладнокровным и тщательно спланированным убийством.

– Что-то не припоминаю, – замаялся я.

– Да вы же сами отметили этот факт, используя выражение "невыносимый"! – искренне удивился Холмс, недоверчиво посмотрев на меня.

Я сильно задумался.

– Господи, Холмс! Ну конечно же! – сообразив, восклик-

нул я, побоясь упасть в глазах своего друга. – Мисс Мюррей упомянула о запахе сигары полковника!

– Да, и это в комнате, где до этого прозвучали два выстрела! – улыбнувшись, тут же откинулся на спинку кресла Холмс. – Там ведь должно было сильно вонять порохом. И тогда я понял: никаких выстрелов в антикварной комнате не производилось.

Он посмотрел на меня, вертя в руках стакан.

– Но ведь выстрелы эти слышал весь дом, – возразил я.

– Выстрелы, прозвучавшие снаружи, а не внутри дома! – тактично поправил меня Холмс. – Судя по всему убийца отлично владел огнестрельным оружием, из чего я сделал вывод, что он, очевидно, военный. Вот тут, наконец, было над чем поразмыслить – ведь военных в доме было двое! Но чуть позже я получил очень важную информацию – и снова из ваших уст, Ватсон, – он многозначительно посмотрел на меня. – Сидя здесь, я закурил одну из сигар полковника и, когда услышал, что вы внизу, произвел два выстрела из револьвера того же калибра, что был использован для убийства Уорбертона.

– В любом случае на руке должны были остаться следы ожогов от пороха, – задумчиво пробормотал я, лихорадочно соображая про себя, в чем конкретно состоял его план.

– Не обязательно, Ватсон, – возразил он. – Порох из патрона – вещь загадочная, отсутствие ожогов еще ни о чем не говорит. А вот запах сигары – это куда как важнее! Впро-

чем, признаюсь, несмотря на всю ценность вашего замечания, окончательно прояснил картину лишь визит в дом.

– Помню, как вас поразила внешность этого индуса, слуги, – заметил я, все еще витая в потемках.

На губах моего друга заиграла самодовольная усмешка.

– Нет, Ватсон, – возразил он, покачав головой. – Я прежде всего обратил внимание на разбитое окно, через которое он вошел в дом.

– Но ведь, по словам мисс Мюррей, капитан Лейшер специально выбил стекло, чтобы все могли войти в запертую комнату.

– Вот тут-то и сказался чисто женский подход, дорогой Ватсон. Она выпустила из своего повествования очень важные детали, заметные, впрочем, только натренированному взгляду, так что не стоит упрекать бедняжку. – Холмс снова отпил немного бренди. – Если помните, она говорила, что капитан Лейшер обежал дом, заглянул через окно, потом взял камень с клумбы, выбил им стекло и вошел.

– Да, совершенно верно.

– Меня поразило, что слуга-индус прошел через разбитое дальнее окно, тогда как ближнее к входной двери оставалось целым. Тогда, возле дома, я заметил ямку в горке из камней под первым окном – это остался след от взятого Лейшером камня. Так почему, спрашивается, ему понадобилось бежать к дальнему окну и разбивать стекло именно в нем? По одной только причине – это стекло могло стать уликой.

Вот на что я намекал, рассказывая Лестрейду об устрицах и вилке соседа по столу. Ну и наконец я убедился в полной правильности своей версии, понюхав содержимое сигарной коробки Уорбертона. Там лежали голландские сигары, а они, как известно, обладают самым слабым запахом.

– Так, теперь мне все окончательно ясно, кроме одного, – заметил я, пальцами рассеянно поглаживая свой стакан. – По-моему, вы рисковали, объявив на весь дом о своих планах сложить осколки разбитого стекла. Могли потерять тем самым свою главную улику.

Холмс потянулся к персидской табакерке и начал набивать трубку пахучим черным табаком.

– Ватсон, дорогой, мне ни за что на свете не удалось бы сложить осколки таким образом, чтобы там просматривались отверстия от пуль. Они ведь совсем крохотные. Нет, то был самый настоящий блеф, мой дорогой друг. Стоило кому-либо из обитателей дома попытаться уничтожить эти осколки, и мы сразу поняли бы: это и есть убийца полковника Уорбертона. Я соорудил для него ловушку. Я ведь специально высыпал стекло в камин, так как вытащить его оттуда было бы совсем непросто, чем утащить вазу, в которую я их собрал. Ну а остальное вам известно. Он пришел вооруженный кочергой. Открыл дверь этой комнаты, хотя он ведь гость в этом доме и ключей не должен иметь. Значит он явно воспользовался дубликатом ключа, который мы позже нашли в кармане его плаща. Думаю, мне ко всей этой истории

нечего больше добавить.

Я согласно кивнул.

– А каков же мотив, Холмс? – глотнув немного бренди, поинтересовался я.

– Ну, тут тоже не надо далеко ходить, Ватсон, – равнодушно пожал он плечами. – Ведь мы уже знаем, что до женитьбы полковника Уорбертона Лейшер был его единственным родственником, а потому и самым вероятным наследником. По утверждениям мисс Мюррей, ее подруга, миссис Уорбертон, не одобряла экстравагантного образа жизни молодого человека. Очевидно, капитан Джек опасался влияния миссис Уорбертон на мужа, считал, что она представляет для него реальную опасность. А потому решил убить двух зайцев сразу. В ту ночь молодой человек открыто явился в дом, поговорил с мисс Мюррей и майором Эрншо, отказался играть с ними в карты и пошел в столовую якобы выпить портера. На самом же деле Лейшер прошел через столовую, вылез через окно в сад, подкрался к высоким окнам антикварной комнаты и выстрелил в полковника Уорбертона и его супругу через стекло.

Ему понадобилось лишь несколько мгновений, чтобы пробраться обратно в дом тем же путем, схватить с буфета в столовой графин с вином и выбежать в холл. Очень точно рассчитав время, он оказался там буквально через секунду или две после мисс Мюррей и Эрншо. Ну и затем, чтобы подтвердить версию внезапного безумия полковника Уо-

рбертона, Лейшеру оставалось лишь разбить камнем стекло и уничтожить тем самым отверстия от пуль. Он первым вошел в антикварную комнату и положил револьвер рядом с рукой жертвы.

– Ну а если бы миссис Уорбертон там не оказалось и свидание его с полковником состоялось, что тогда? – спросил я.

– Ах, Ватсон, тут можно лишь строить догадки. Но то, что Лейшер явился вооруженным, заставляет предполагать худшее. Не сомневаюсь, когда дело дойдет до суда, выяснится, что Лейшер испытывал материальные затруднения. И у нас есть все основания полагать, что этот молодой человек не остановился бы ни перед чем, лишь бы устранить все препятствия, стоящие на пути к обогащению.

Холмс очень уж внимательно посмотрел на меня.

– И вот что еще, Ватсон, – странным тоном произнес он, пристально глядя на меня. – К нашему прошлому разговору. Вы, наверное, удивитесь, но я тоже кое-то понимаю в любви. И у меня был печальный опыт.

Холмс на мгновение замолчал. Глаза его увлажнились, лицо – посерело.

– Очень-очень печальный опыт, – тихо и грустно добавил он. – Поверьте мне, Ватсон.

(2021-05-19 – 2021-09-21)